
ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФИИ

Польские интриги для возмущения Малороссии. - Князь В. В. Голицын и его политика. - Священный союз против турок. - Россия приглашается вступить в него. - Вечный мир с Польшею и вступление в Священный союз. - Подчинение киевского митрополита московскому патриарху. - Сношения с гетманом Иваном Самойловичем по этому случаю. - Избрание в киевские митрополиты князя Гедеона Четвертинского. - Сношение с восточными патриархами по поводу подчинения киевской митрополии московскому патриарху. - Первый крымский поход. - Посольство Шакловитого в полки. Свержение Самойловича, избрание Мазепы в гетманы. - Лазарь Баранович. - Побуждение от турецких христиан к возобновлению военных действий. - Второй крымский поход. - Сношения с европейскими и азиатскими государствами в правление Софии. - Нерчинский договор с Китаем. - Внутренняя деятельность правительства.

Московская смута отозвалась на юге, в странах козацких; вести о ней произвели движение и за границею, порадовали врагов России: в Польше возбудилась надежда воспользоваться смутою и оторвать Малороссию от Москвы. С этою целию по приказу королевскому гетман польский Яблоновский отправил *прелестные листы* к Григорию Дорошенку и к бывшему киевскому полковнику Солонине. Листы были подосланы с двумя монахами, которых отправил в Малороссию львовский епископ Иосиф Шумлянский, надеявшийся быть киевским митрополитом в случае отторжения Малороссии от Москвы. У тех же монахов найдена была *инструкция*, что разглашать в Малороссии: "1) Начать с Полтавы, потому что ее жители склоннее других к восстанию против Москвы. 2) Разглашать, что Самойлович хочет искоренить козаков и для того лучших полковников обратил в простые козаки. 3) Москва плавает в своей крови; это наказание божие за то, что не помогла ни императору, у которого султан отбирает теперь остальную Венгрию, ни Польше. Царь Феодор Алексеевич хотел подать помощь Польше, но бояре не позволили, а потом и жену его, которая носила польскую фамилию Грушевских, отравили, напоследок и самого царя извели и весь род царский истребить хотели, за это бог и отомстил им жестоко. 4) Если б дело дошло до союза Москвы с Польшею, то не только души христианские из неволи освободились бы и святые места опять процвели, но и весь народ греческий мог бы освободиться. 5) Москва обманула поляков, она причиною, что Каменец погиб, Подолия и Украина пропали. 6) Польские короли, и покойный Михаил, и нынешний Ян, об одном хлопотали, чтобы Украина не досталась туркам, а принадлежала бы козакам; и всем известно, что после Журавского мира Хмельниченко был посажен гетманом в Немирове. Но бояре московские всю Украину по Днепр уступили туркам, испугавшись,

что Чигирин не успели удержать и защитить, из-под которого визирь хотел бежать, но Ромодановский, несмотря на свою победу, наступить на него не хотел. Эту уступкою Украины туркам Запорожье заперто и преждевременно должно погибнуть, а потом и имя козацкое пропадет. 7) Опасаться надобно, чтоб войска русские не ударили на Киев и татары не разорили Заднепровья, как скоро узнают о московской смуте. 8) Дума московская не только не хотела воевать против бусурман, но даже не позволила королю на деньги нанять козаков, опасаясь, чтоб войско козацкое и народ малороссийский не возвратились к государю предков своих и не возлюбили той вольности, в какой живет Польша. 9) Войску, во всем христианстве славному, надобно вспомнить славу дедов и прадедов, быть в одной мысли с Запорожьем и выбиться из неволи человека негодного и невоинственного. А королевское величество имеет столько разума, благословения божия и храбрости, что может защитить и народ, который он от младенчества любит и почитает. 10) Духовенству внушать, что в церквах, находящихся под державою королевскою, нет никакой перемены, священникам воздается честь, дань и подводы отставлены, из подданства панов своих духовенство освобождено. 11) Внушать, не лучше ли в Киеве иметь своего главу, как имеет Москва; прежде киевские митрополиты ставили московских, которые теперь патриархами называются: многими столетиями св. София киевская старше Соборной церкви московской. 12) Не лучше ли видеть власть духовную и мирскую в Киеве, чем искать ее раболепным образом в Москве. 13) Нечего бояться, что старинные паны возвратятся на восточную сторону Днепра: их уже нет в живых, и, которые остались молодые, те Заднепровья и Северской страны не знают. 14) Притом же здесь все имения государственные, только ходили в поместьях, и республика прежних помещиков не даст. 15) Пусть рассудит весь народ козацкий, что им бог подает отца, что им бог просвещает разум, отверзает очи и показывает путь к вольности. 16) Если надобна будет помощь, пусть знают, что войско польское на конях".

Инструкции эти были спрятаны у монахов - у одного в дегтярной фляге, облиты воском, у другого в телеге, в задней подушке. Кроме пунктов писаной инструкции монахам велено было разглашать, что, кто приведет народ под королевское подданство, тот сделан будет великим человеком и будет обогащен: черни каждый год из казны королевской будут деньги и сукна; паны польские не будут въезжать в Украину на маетности, король хочет сделать особое удельное русское Киевское княжество.

Но и в Малороссии и в Польше скоро узнали, что московская смута прекратилась, что новое правительство, хотя и странное по своей форме, довольно сильно благодаря лицам, на которых оперлась царевна-правительница. Шакловитый крепко держал в руках московских стрельцов, но виднее Шакловитого, человека нового, худородного, поднялся Вас. Вас. Голицын, первое лицо в правительстве после царевны. 19 октября 1683 года Голицын получил титул, который носили Ордин-Нащокин и Матвеев, - "Царственные большие печати и государственных великих посольских

дел оберегателя". Главною обязанностию Голицына стало теперь блюсти интересы России в сношениях с чужими державами - обязанность трудная при тогдашних отношениях, но Голицын умел выполнить ее с честью и пользою для государства. В то время когда Россия, жившая так долго на Востоке, поворачивала на новый, противоположный путь к Западу, готовилась войти в общую жизнь европейских народов, в Европе происходили явления, которые должны были изменить ее политику, вследствие чего новому государству, России, предстояла впоследствии великая роль.

Резкое различие древнего исторического мира от нового состоит в том, что в древности государства жили особо, одиноко, не связанные общими интересами: отсюда происходило, что когда одно из них усилится вследствие известных благоприятных обстоятельств, вследствие личных качеств своего государя-завоевателя, то последнему легко покорять себе другие государства, слабые вследствие одиночества своей. Так возможны становились поглощения многих государств одним, образования громадных, всемирных империй: Персидской, Македонской, Римской. Но в новой, христианской Европе много государств образовалось почти одновременно, с равными свежими силами, и стали они изначала жить общию жизнью, имея общие интересы. При таких условиях усиление одного государства на счет других, образование огромных, всемирных монархий, вследствие завоевательных стремлений одного народа, одного государя, стало невозможным: как только обнаружатся в известном народе или государстве подобные стремления, другие государства, вследствие привычки к общей жизни, составляют союзы и посредством их останавливают властолюбивые замыслы. Отсюда зоркость европейских правительств, подозрительность их при виде усиления одного из государств, отсюда система политического равновесия.

В начале так называемой Новой Истории Европе грозила сильная опасность от властолюбивых стремлений габсбургского дома, чрезмерно усилившегося посредством выгодных браков своих членов - способ усиления также новый, европейский, неслыханный в древнем мире, знавшем только одну силу как способ усиления. Но и новый способ усиления, употребленный габсбургским домом, мог повести одинаково к старым результатам, к образованию громадной империи, опасной для независимого существования других европейских государств. Особенно тяжело было положение Франции, окруженной почти со всех сторон владениями габсбургского дома: с юга - Испания, с севера - Нидерланды, принадлежавшие Испании, с востока - Германия, императором которой был Габсбург; значительная часть Италии принадлежит также Испании, страшной своими непобедимыми войсками. В таком положении Франция, по инстинкту самосохранения, употребляет все средства, чтоб как-нибудь ослабить удушавшее ее могущество габсбургского дома: во время господства религиозного интереса, во время ожесточенной борьбы между католицизмом и протестантизмом, Франция первая обходит религиозные

отношения и выставляет на первый план политическое начало: искать союзов с кем бы то ни было, не обращая внимания на религиозное различие, лишь бы сломить могущество габсбургского дома - вот основание французской политики, которому остаются верны и Франц I, и Генрих IV, и кардинал Ришелье; Франция, католическая держава, - в постоянном союзе с протестантскими державами против Габсбургов; мало этого, французский король, носящий титул *христианнейшего*, - в союзе с султаном.

Франция достигла своей цели: могущество Габсбургов было сломлено в Тридцатилетнюю войну. Европа перестала бояться Габсбургов; но опасность стала грозить ей с другой стороны, от той самой Франции, которая, по-видимому, так много послужила Европе при освобождении ее от всемирной монархии Габсбургов. Отношения переменялись; прежде Франция была почти отовсюду окружена владениями могущественной династии; теперь отовсюду окружают ее слабые государства, приглашающие эту слабость завоевателя, а завоевателю легко явиться среди войнолюбивого народонаселения Галлии. На юге по-прежнему Испания, но Испания, разбитая параличом, лишенная способности к движению, потерявшая значение в Европе; на север от Франции прежние испанские владения разбиты на две части: северная составляет маленькую независимую Голландскую республику, разбогатевшую от торговли, но не могущую вести сухопутной войны с большим государством; южная часть, Бельгия, осталась за Испаниею и по этому самому представляла лакомую и легкую добычу для Франции, ибо Испания не могла защищать ее. На востоке Германия, освобожденная из-под религиозного и политического гнета, но опустошенная вконец Тридцатилетнею войною, раздробленная, со множеством мелких владельцев, которые после Тридцатилетней войны усилили свою власть вследствие ослабления других элементов общественной жизни, но чрез это усилие не приобрели широты взгляда и достоинства: это были не государи, а помещики, хлопотавшие только о том, как бы получить побольше дохода от своей земли, от своих людей, не заботясь об интересах общего отечества, об укреплении союзного начала, которое могло дать Германии самостоятельное значение и внушить к ней уважение в соседях. Следовательно, и со стороны слабой, беззащитной Германии завоевательные стремления Франции могли встретить такое же ничтожное сопротивление, как и со стороны Испании. Швеция, сыгравшая такую важную роль в Тридцатилетней войне и получившая по Вестфальскому миру владения в Германии, получила вместе с тем и нравственную обязанность защищать интересы Германии; но шведское правительство позволило Франции обольстить себя и вступило с нею в союз. Раздробленная Италия также не могла противопоставить Франции никакой преграды. Англия не могла принимать деятельного участия в делах континента, будучи занята внутреннею борьбою, и король английский позволил себе сделаться пансионером короля французского. Таким образом, отношения переменялись, и представитель габсбургского дома, государь австрийских земель, носивший титул императора римского

и короля германского, должен был защищать Германию и Испанию от Франции при самых неблагоприятных для себя условиях, даже, наконец, принужден был спокойно смотреть, как французский король, знаменитый Людовик XIV, под всякими предлогами захватывал германские земли. На это положение осуждала его борьба, поднявшаяся внутри его владений, именно в Венгрии. Неудовольствия против австрийского правительства не прекращались в этой стране: слышались сильные жалобы на поведение немецких войск, расположенных в венгерских крепостях, особенно сильные жалобы слышались на притеснения, которые терпели протестанты. Знатнейшие и богатейшие магнаты составили заговор и вошли в сношения с султаном, предлагая ему подданство. Заговор был открыт, главы его казнены смертию; но волнения не прекращались, и наконец в 1678 году восстание вспыхнуло под предводительством молодого вельможи Эммериха Текели, который начал свое дело очень удачно. Опасность для Австрии еще более усилилась, когда в 1682 году Текели поддался султану. Турции, которая начинала уже разлагаться, судьба сильно поспособствовала во второй половине XVII века: пограничные волнения в трех соседних державах дали ей возможность в последний раз предпринять наступательное и победоносное движение на христианский мир. Мы видели, как на польской Украине Дорошенко, недовольный польским правительством, поддался султану, следствием чего было нашествие турок на Польшу, взятие Каменца и тяжелый для Польши Журавинский мир. Покончив с Польшею, турки ударили на русскую Украину и разорили Чигирин, после чего Россия поспешила заключить с ними не очень блистательный для себя мир. Теперь смута на австрийской Украине, в Венгрии, подданство Текели приглашали победоносное турецкое войско под стены Вены. Но если туркам удастся нанести этот последний, решительный удар, овладеть столицею главы Священной Римской империи, то что станет с Восточною Европой? Устоят ли Польша и Россия и что будет с Италией? До сих пор торжество турок условливалось тем, что они нападали поодиночке на соседние державы; и теперь они вмешиваются в венгерские дела, вооружаются против Австрии, заключив мир с Россиею: следовательно, единственное средство отклонить страшную беду от Восточной Европы состояло в заключении союза между ее державами для дружного отпора Оттоманам. Польский король Ян Собеский понял, что торжество турок над Австриею будет гибелью для Польши, и потому решился вступить в союз с императором Леопольдом. Людовик XIV, радовавшийся беде Габсбургов, поддерживавший Текели, старался отговорить и Яна Собеского от подания помощи Австрии; Ян отвечал, что останется спокойным зрителем торжества турок над Австриею только в таком случае, если французский король обяжется явиться на помощь к Польше со всеми своими силами, когда турки по взятии Вены пойдут на Краков. Людовик не дал этого обязательства, и Собеский остался при своем намерении помочь Австрии. Но в Польше не все думали одинаково с ним. Во время сейма 1683 года явилось множество сочинений, в которых толковалось против войны с турками за Австрию: "Никогда мы

не хотели брать себе королей из австрийского дома, а теперь хотим воевать для того, чтоб удержать под их игом братью нашу в Венгрии, Моравии, в Чехах, в Кроации! Правда, турки распространят свои владения до Дуная, но что нам до этого за дело? Когда, два года тому назад, император мог бояться, что Висла отойдет под власть турок, пришел он к нам на помощь? Турки вовсе не враги наши непримиримые: южные страны представляют им более лакомую добычу, чем наша Польша; наши вечные враги - Бранденбург и Австрия. Вот почему отцы наши всегда старались "о дружбе с Франциею, которая помочь нам всегда может, а покорить никогда".

Но Собескому удалось осилить французскую *факцию*. Сейм согласился на союз австрийский, который и был заключен в мае 1683 года; император обязался выставить в поле 60000 войска, король 40000; оба государя обязались спешить со всеми своими силами на выручку, если турки осадят Вену или Краков; наконец, оба государя обязались уговаривать к союзу и других владельцев, особенно стараться всеми силами привлечь к нему светлейших царей московских (*Serenissimos Moschorum czaros*).

В июле месяце 200000 турецкого войска под начальством великого визиря Кара-Мустафы перешло Рааб и устремилось прямо к Вене. Император Леопольд со всем двором оставил столицу, поручив ее защиту графу Штарембергу. Штаремберг выжег предместья, отбил все приступы, продержался шесть недель и дождался избавителей: к Вене подошло 84000 христианского войска: 27000 австрийцев под начальством герцога лотарингского, 11400 саксонцев под начальством курфюрста Иогана Георга, 11300 баварцев с курфюрстом своим Максом Эммануилом, 800 франконцев под начальством князя Валденского и 26000 поляков подначальством самого короля Яна Собеского. Собеский принял начальство над всем соединенным войском, 12 сентября ударил на турок и одержал над ними блистательную победу: оставивши весь свой богатый стан в добычу победителям, Кара-Мустафа убежал к Раабу. Собеский преследовал неприятеля и вторично поразил его под Парканами.

Несмотря на то, в Константинополе не думали о мире, Леопольду и Собескому нужно было на следующий год готовиться к новой тяжелой борьбе, и они стали искать союзников. Весною 1684 года приступила Венеция к *священному* союзу с Австриею и Польшею, которого патроном был провозглашен папа Иннокентий XI. И в договор с Венециею был внесен пункт, что три державы приглашают к союзу всех государей христианских и "преимущественно царей московских".

Ян Собеский должен был исполнить двойное обязательство и, разумеется, исполнял его очень охотно. Извещая царей о своих победах под Веною и Парканами, Собеский писал, что пришло время изгнать из Европы врагов христианства, что все христианские государя обещают выставить войско на весну, а царским величествам можно было бы начать войну и зимою. В начале 1684 года явились в Москву и полномочные послы императорские

для заключения союза против турок. Те же побуждения, которые заставили Собеского помочь Австрии, должны были действовать и в Москве: Турция в последнее время явилась для России самым опасным врагом, с которым нельзя было управиться в борьбе один на один, как доказала последняя война; а теперь представлялся верный случай вознаградить себя за эту войну в союзе с другими христианскими державами, союзе, которого следствия на первых же порах оказались столь блистательными. Не принять участия в священной войне, и если следствием будет торжество турок, то надобно будет беспрестанно опасаться появления турецких ратей под Киевом; если же Польша без русской помощи получит от турок выгодный и славный мир, то первым ее делом будет потребовать от России вооруженною рукою исполнения Андрусовских условий, т. е. возвращения Киева. Следовательно, благоразумие требовало приступить к священному союзу против неверных, но прежде, благодаря настоятельной потребности Польши в этом союзе, заставить ее заключить вечный мир с уступкою Киева в русскую сторону. Переговоры об этом мире начались в январе 1684 года на старом месте, в пограничном селе Андрусове. Тридцать девять раз съезжались уполномоченные и ничего не решили: поляки не уступали Киева, русские не соглашались подать помощи против турок.

В мае 1684 года в Москве шли переговоры между Голицыным и послами императорскими - Жировским и Блюмбергом. Последние объявили желание цесарского величества, чтоб великие государи помогли против турецкого салтана, отняли у него правую руку - Крым. Много войска на Крым посылать не для чего: можно послать одних черкас, которые под владением гетмана Ивана Самойловича, придав к ним несколько пеших полков; цесарское величество другой помощи не требует, желает только, чтоб правую руку у султана удержать. Голицын отвечал: "У великих государей с королем польским осталось только девять перемирных лет, и если великие государи, вступив за цесаря и короля польского в войну с турецким султаном, рати свои утрудят, а польский король, по истечении перемирных лет, наступит войною на их государства, то великим государям какая будет прибыль? Поэтому, не заключив вечного мира с Польшею, великим государям отнюдь в союз вступить нельзя, что послы сами могут понять". Послы просили объявить, какое последнее намерение со стороны царского величества насчет отдачи Киева полякам? Голицын отвечал, что Киева в польскую сторону никак отдать нельзя и отдан не будет, потому что у малороссийского народа с поляками за утеснение веры и за другие обиды великие ссоры и никогда между ними эти ссоры успокоены быть не могут; малороссийский народ и имени польского слышать не хочет. Да и потому Киева отдать нельзя, что польский король Журавинскими договорами уступил всю Украину турецкому салтану, а салтан турецкий уступил Киев с принадлежащими к нему городами и местами и Запорожье в сторону царского величества. Голицын покончил разговоры решительным объявлением: "Если король польский уступит царскому величеству город Киев, то царское величество, в союзе с королем, будет вести войну против крымского хана". Между тем военное

счастье, верное Австрии и Венеции, оставило Собеского: в 1684 году он неудачно осаждал Каменец; в 1685 году, не будучи сам в состоянии предводительствовать войском по болезни, Собеский отправил гетмана Яблоновского в Молдавию, чтобы, занявши эту страну, отрезать Подолию от турецких владений и принудить Каменец к сдаче; Яблоновский перешел Днестр и вторгся в Молдавию, но скоро принужден был возвратиться с значительным уроном. Это заставило короля возобновить переговоры с царями о союзе. В начале 1686 года в Москву приехали знатные послы королевские, воевода познаньский Гримультовский и канцлер литовский князь Огинский. Семь недель князь Вас. Вас. Голицын с товарищами спорил с Гримультовским и Огинским; послы, не соглашаясь на предложения бояр, уже объявили переговоры прерванными, откланялись царям, приготовились к отъезду и опять возобновили переговоры, "не желая, как говорили, столь великого, славного, прибыльного дела оставить и своих трудов туне потерять". Наконец 21 апреля все споры прекратились и заключен был вечный мир: Польша уступила Киев навсегда России, великие государи обязались разорвать мир с султаном турецким и ханом крымским, послать немедленно войска свои на крымские переправы для защиты Польши от татарских нападений, приказать донским козакам чинить воинский промысел на Черном море, а в следующем 1687 году послать все свои войска на Крым. Обе державы обязались не заключать отдельного мира с султаном. Кроме того, было постановлено, что Россия в вознаграждение за Киев заплатит Польше 146000 рублей; к местам на западном берегу, оставшимся вместе с Киевом за Россию, к Триполью, Стайкам и Василькову, прибавлено земли верст по пяти; Чигирин и другие разоренные города вниз по Днепру, отошедшие по последнему миру от России к Турции, положено не возобновлять. Православные в польских областях не подвергаются никакому притеснению со стороны католиков и униатов; католики в России могут отправлять свое богослужение только в домах.

За подтверждением договора со стороны королевской отправились во Львов боярин Борис Петрович Шереметев и окольныйничий Чаадаев. Они два месяца ждали короля: Собеский в 1686 году сам отправился с войском в Молдавию, овладел Яссами, но, окруженный со всех сторон толпами татар, должен был совершить трудное отступление с голодным и больным войском. Печален приехал Собеский во Львов, а тут еще новое горе: надобно было скрепить присягою договор, которым Польша навсегда отказывалась от Киева; со слезами на глазах присягнул король.

Между тем в Москве еще прежде окончательного дипломатического закрепления Киева за Россию поспешили окончить великое дело церковного воссоединения Восточной и Западной России, условливавшего и воссоединение политическое. В XV веке политическое разъединение обеих частей России под различные династии - рюриковскую и гедиминовскую - имело следствием разделение русской церкви: литовские князья, владевшие Киевом, не хотели, чтоб их русские подданные в

церковном отношении зависели от митрополита, жившего в Москве, и настояли на посвящении особого митрополита в Киев. В XVII веке Киев присоединился к Москве, и наследники Калиты, стремясь к собранию русской земли, уничтожают дело князей литовских, воссоединяют русскую церковь чрез подчинение киевского митрополита московскому патриарху; но вместе с этим Москве в церковном отношении подчинялось и все зависевшее от киевского митрополита православное русское народонаселение, еще остававшееся в польских владениях.

Это важное дело было улажено при помощи гетмана Ивана Самойловича, с которым во все это время велись долгие переговоры насчет союза с Польшею против турок и татар; польский союз по-прежнему встречал сильное сопротивление в Малороссии.

Сношения с гетманом начались в мае 1683 года. Самойлович на первый раз отвечал, что союз с христианскими государями - дело хорошее, но прежде надобно заключить с Польшею вечный мир, по которому Польша должна отказаться от Киева и от всей Малороссии, от Войска Запорожского, городского и низового; потом надобно постановить, чтоб русские войска не соединялись с польскими, но управлялись отдельно с крымскими татарами. Впрочем, и против союза встречаются сильные препятствия. Если великие государи вследствие союза с королем и цесарем разорвут перемирие с турками и татарами, то король и цесарь дадут об этом знать бусурманам: те испугаются и предложат мир, король и император помирятся, и тогда вся тяжесть войны обрушится на российское царствие; да если б они и не помирились с турками, но если султан обратится со всеми своими силами на нас, то не только цесарь за дальним расстоянием не придет на помощь, не поможет и король польский. Союз между Россиею и Польшею не может быть надежен уже и потому, что поляки принадлежат к римскому костелу, а русские - восточного благочестия. Война, бывшая при царе Алексее Михайловиче, породила великие затруднения между Россиею и Польшею; этих затруднений до сих пор никакие договоры не устранили, отчего у поляков болезнь вражды неисцелимая, особенно к Войску Запорожскому и народу малороссийскому, и потому поляки не только ищут всякого зла державе царей, но рады бы обрушить небеса на христианство русское: можно ли верить их союзу? Подозрительно, что король польский не показал царским послам подлинного союзного договора своего с цесарем и списка с него к великим государям не прислал. Хотя бы король польский с цесарем и действительно вступил в союз, но если король французский не будет с ними, то надеяться на союз нечего, потому что французский король сильнее цесаря и короля польского, а он с турками не ссорится, напротив - цесарю главный враг и потому может вредить союзу.

2 февраля 1684 года, в праздник Сретения, после обедни в Батурине народ собирался к гетманскому дому посмотреть, как поедет царский посланный, стольник Одинцов. Впереди шли стрельцы в цветных кафтанах, несли

царское жалованье: аксамит (парча) серебряный, бай-берек (бухарская ткань из крученого шелку) коричный, два кречета, шесть осетров, вязигу, бочку лимонов, белугу свежую большую, тешу белужью, три юрлочные белуги, снятки свежие белозерские, снятки псковские, бочку вина ренского, бочку уксусу. За жалованьем ехал сам стольник, перед ним сидел подьячий с грамотою. У крыльца встретила посланного генеральная старшина, а в сенях у дверей сам гетман принял честно за руку, и пошли в светлицу, стольника вел гетман по правую руку. Войдя в светлицу, стольник от имени великих государей спрашивал гетмана о здоровье, хвалил его службу и подал грамоту. Самойлович, взявши грамоту, поцеловал в печать и на государственной милости бил челом, спрашивал о здравии великих государей. Потом стольник спросил о здоровье генеральную старшину, и те били челом на государственной милости. Поднесли царское жалованье, гетман опять бил челом и говорил: "Великая, преславная и неизреченная ко мне великих государей царей милость, и за такую милость, жалованье и призренье десятикратно и стократно бью челом и впредь служить, всякого добра хотеть, против всякого неприятеля работать неотступно не только до крови, но и до смерти не забуду, как служил отцу и брату их государскому". В тот же день стольник и подьячий обедали у гетмана, и, когда пили чашу за царское здоровье, в то время трубили на трубах, играли в суренки, били по литаврам - веселился гетман безмерно.

Несмотря на это безмерное веселье, гетман был недоволен: он выдал дочь за боярина Федора Петровича Шереметева. Фамилия была знатная, но у гетманского зятя был еще жив отец, боярин Петр Васильевич, который мало давал сыну на содержание, а от царей богатого кормления не было, потому что боярин Петр жил не в ладах с Голицыным. Гетманская дочь терпела нужду, что очень огорчало отца, особенно мать. Самойлович говорил Одинцову: "На боярина князя Василья Васильевича досадовать мне нечего; случилось это не от боярина, моим несчастием, неужели бы я у великих государей не упросил или бы им не заслужил? Я и теперь со всем своим домом не могу утешиться; жена моя бедная и дочь глаза повыплакали; лучше бы мне было голову потерять, нежели такую беду видеть, что дома плач беспрестанный. Блаженной памяти великий государь царь Феодор Алексеевич обещал мне, если сыщу себе зятя, хотя бы и низкой породы, то пожалует его честью и крестьянами удовольствует. Теперь я бедную дочь свою выдал за человека высокой породы, за боярина Федора Петровича Шереметева, но утешения мне от этого никакой: что было у дочери моей платья, все в закладе и проедено; сват мой боярин Петр Васильевич к сыну своему не ласков, ничего сыну своему не дает и не поучит, как жить пристойно с добрыми людьми, честных почитать: кто от бога помилован и от великих государей пожалован, того надобно чтить. Мое бедное сердце оттого сильно сокрушается. А если бы великие государи пожаловали меня за мою верную службу, приказали зятю моему быть в Киеве, то я бы его всем ссужал и со всеми домочадцами его прокормил, в имения его послал бы своих верных людей, велел посеять

хлеба всякого довольно, в огородах овощу, все было бы пристроено и убережено. Милости прошу у великих государей и у благородной государыни царевны, чтоб мое прошение боярин князь Василий Васильевич донес до них, чтоб приказали зятю моему быть в Киеве воеводою, а в товарищах послали бы окольного Леонтия Романовича Неплюева: он человек добрый, в этих краях жить умеет, зять мой при нем учился бы. Ко мне была бы царская милость, а в здешнем малороссийском народе страх, что я гетман, а зять мой в Киеве воевода; желаю я этого не для того, что зятю моему в Киеве будет прибыльно, но для осторожности и страху малороссийского народа. Да и то бы государская ко мне превысокая милость, чтобы дочь моя со мною, с матерью, с братьями и сестрою увиделась и меж собою поговорили. А если зять мой что станет в Киеве делать непристойно, то я сам к нему поеду, или сына пошлю, или жену и дочь, и велю его уговаривать, чтобы жил между людьми приятно и поважно. А на боярина князя Василья Васильевича никакой досады я не имею, и никто ко мне не писывал, и хотя бы сват мой боярин Петр Васильевич и писал, то я бы ему не поверил, потому что он и сам к сыну своему не ласков. Я боярину князю Василью Васильевичу истинно обещаюсь, что я ему верный приятель и слуга; только ты донеси до его милости, чтоб он умилосердился на мои слезы и на плач всего моего дома, упросил великих государей и государыню благородную царевну, чтоб на весну зятя моего послали в Киев".

Стольник говорил гетману: "Желание твое непременно исполнится: великие государи отпустят к тебе зятя и дочь повидаться". - "Но какая мне от этого будет прибыль? - отвечал гетман. - И досталь зять мой испроторится и изубытчится; я и так посылал к нему деньгами, запасами, рыбою, мясом, однако не могу наполнить, а дорога дальняя, пуще людей изгонят и запасов потратят, а если бы был в Киеве, тут место близкое, и я бы его прокормил".

Голицын велел Одинцову спросить у гетмана, зачем он не послал своих малороссиян на комиссию русских уполномоченных с польскими? Самойлович отвечал: "Положился я на волю государскую, также и на боярина князя Василья Васильевича: что делается на комиссии, и великие государи пожалуют, велят меня известить. Послать мне худых людей - ничего по ним не будет; а послать добрых - и им непригоже за хребтом стоять".

В Москву по обычаю шли жалобы и доносы на гетмана; доносили, между прочим, что Самойлович корыстуется деньгами, получаемыми с винного откупа (аренды), тяжкого для народа. С предостережениями насчет этих доносов в июне приехал к гетману стольник Семен Алмазов. Самойлович, благодаря государей за предостережение, отвечал: "Удивляюсь и скорблю, что такая ложь залетела в высокий слух пресветлых монархов. Знаю, что если бы запорожцы соблюдали великим государям истинную верность, то ничего не говорили бы о делах, до них не касающихся. По наущению

кошевого своего Гришки, надутого ляцким духом, они беспрестанно отправляют посольства в Польшу. Кошевой атаман со своими единомышленниками называет великих государей вотчимами, а короля польского отцом. Если запорожцы про regiment мой по неприятельскому польскому наговору зло говорят, то годны ли они веры? Да и киевские жители, именно мещане, лгать на меня не имели причины, потому что они не несут никаких тяжестей, кроме обычных в Малороссии. Разве то им стало нелюбо, что я обличил их и выговаривал им насчет ратушных немалых прибылей, из которых они, отдавая в казну монаршескую только три тысячи золотых, себе с лишком по десяти тысяч в год собирают; а в правах их старых постановлено, что они, кроме отдаваемого киевским воеводам, должны содержать воинских людей на оборону замка и города, кроме того, иметь пушки, пороховые и свинцовые запасы, чего теперь у них совершенно нет; лукавые мужики между собою доходы делят, а о том не радуют, что необходимо на будущее время для их безопасности. Мещане киевские желали бы того, чтоб в Киеве ни одного козака не было, а я, гетман, хочу, чтоб их было и много, потому что надобны. Киевские мещане и на царских воевод негодуют и на ратных людей жалуются, а делают это, как я выразумел, больше ложно, потому что хотят, чтоб их мужицкая прихоть исполнялась и никому не были бы обязаны почестию и повинностию. Что касается аренды, то она обновилась таким образом: мы при царе Феодоре Алексеевиче пресветлому престолу монаршескому доносили, что войска охотничьи, конные и пешие полки при городских полках надобны, а платить им нечем, и великий государь хотя изволил уделить своей казны, однако впредь велел здесь промыслить денег. По тому монаршескому повелению старшина и полковники и всякого чина люди во время съезда своего в Батурине сидели и много думали, как бы промыслить денег и удовольствовать войско, и все чины постановили быть аренде, ибо от вина ни козаки, ни посполитые люди никакой прибыли не имели, одни шинкари чрезмерно богатели. Установлена аренда не новым вымыслом, обновлен старый обычай: и при Богдане Хмельницком аренда не прекращалась по обеим сторонам Днепра, и могло тогда с одного или двух полков столько денежной казны приходиться, сколько теперь со всего краю приходит, а между тем на Хмельницкого за то никто не жаловался и никому тогда не было обиды. Арендные сборы на срок не я, гетман, собираю, на то особые назначены люди, которым верить можно, и я рад был бы, если бы великие государи изволили кого-нибудь прислать от себя для очистки моей в тех арендовых приходах; до сих пор никто ко мне не отзывался с тем, что отягчен арендой. А войско охотничье, для которого аренды поставлены, держал я по воле монаршеской; да и кажется мне, надобно оно было здесь, потому что во время мятежа на Москве я этим войском удержал малодушие голов неспокойных, которые без того, побуждаемые польскою прелестью, возбудили бы раздоры. Покорно прошу милостивого себе указа: отменить ли аренды или оставить их по-прежнему для войска; если отменить аренды, то надобно и войско распустить, а распустить его, то оно обратится в польскую сторону, поляки тому будут

рады; если отменить аренды, а войско не распускать, то на него надобно будет ежегодное призрение царского величества. А про свойственников моих такую даю очистку, что кроме сына моего Симеона Ивановича да племянника Михайлы Васильева на полковничестве нет, и держу их на этих местах в надежде, что от них полчанам никаких притеснений нет, а если послышу жалобы, то отставлю, будучи в состоянии и при себе их Прокормить. О зяте моем, боярине Федоре Петровиче Шереметеве, в палате монаршеской выросло размышление, что быть ему в Киеве на воеводстве, а теперь ему иное говорят место, И я должен сильно сокрушаться об этой перемене, потому что жалость мне великая и стыд пред всеми учинится, если после таких слухов зять мой в Киеве не окажется".

В ноябре приехал в Батурин к гетману один из самых бойких дельцов московских, думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев. Приехал он говорить с гетманом о двух великих делах: о старом деле, о союзе с польским королем против турок и татар, и о новом, об избрании киевского митрополита. Самойлович сильнее прежнего был против союза с поляками. "Для чего теперь с турками и татарами мир разрывать и войну начинать? Если пришлют к великим государям цесарь римский и король польский и станут их призывать против тех неприятелей в общую войну, то им можно отказать: великие государи заключили с султаном и ханом мир без всякой посторонней помощи, и теперь опять войну начать без причины нельзя. За что они сами, цесарь и король, воюют с турками, о том они великим государям не известили и сначала к союзу их не призывали".

- "Так цесарю римскому и королю польскому отказать непристойно, потому что многие государи христианские помогают им в этой войне", - возражал дьяк.

Гетман настаивал на своем, что отказать можно по многим статьям: "С турками и татарами у России мир; когда у нее была с ними война, никто ей не помог, без стыда отказывали, что не могут разорвать мира; потом - как помогать? К цесарю ратных людей послать - несносно и никогда не бывало; к польскому королю послать под Каменец, к Дунаю и за Дунай - тоже недостаточное и несносное дело; на Крым войско послать - на цесаре и короле какую присягу взять, что они великих государей в этой войне не выдадут и особого мира не заключат? Поверить присяге их? Но присяга их не крепка: папа разрешает их в присяге. Одним походом всего Крыма не завоевать; возьмем городки - турки придут и станут их добывать, а нам защищать их трудно, потому что на зиму рати надобно оттуда выводить, а если там оставить, то от голоду и от поветрия тамошнего многие помрут и оцынжают. А главное, - покончил гетман, - я полякам не верю: они люди лживые и непостоянные и вечные народу московскому и нашему козацкому неприятели".

- "Объяви, - спрашивал дьяк, - в чем особенно польский король показал к нам недоброжелательство?"

- "Удивительно, что ты об этом меня спрашиваешь, - отвечал гетман, - когда в Москве между ратными людьми была смута, он этому радовался и, желая большего зла, разослал к нам лазутчиков с прелестными письмами, возмущая народы: как бесчестил бояр и думных людей? султана и хана уговаривал к войне против государей; теперь недавно, без государева ведома, донских козаков и калмыков к себе на помощь призывал и многих подговорил, которые и теперь при нем. А меня беспрестанно хлопчет, как бы отравить, зарезать или застрелить. Я крепко осторожен: никого из Польши и из Литвы не принимаю не только в двор свой в службу, но и в города поднепровские не велю принимать, ни чернецов и никаких других людей, потому что если бы сделать в этом послабление, то давно бы уже я был изведен или бы в Украине от тех бродяг великая произошла смута. А какие прелестные письма в смутное время на сю сторону Днепра и за пороги вкинул? Я и до сих пор от них сокрушаюсь, непостоянные люди за них ухватились и теперь держатся, и, как ни радею, однако, этого духа искоренить не могу".

- "Великие государи, - говорил Украинцев, - хотят в это дело вступить не для того только, чтоб помочь цесарю римскому или королю польскому; если вечные неприятели церкви божией, турки и татары, теперь осият цесаря и короля польского и приневолят их к миру, то потом встанут войною и на нас; на мир надеяться нечего: они привыкли мир разрывать; тогда к ним и польский король пристанет, и ему помощь подадут настоящие его союзники - цесарь, папа и республика венецианская".

- "Как угодно великим государям, - отвечал гетман, - а мне кажется, нет причины с султаном и ханом мир нарушать. Этот мир после великой и страшной войны заключил блаженной памяти великий государь царь Феодор Алексеевич беспрестанным, премудрым промыслом и усердным старанием, да и моя служба и раденье в том были. А теперь этот мир разорвать, мне кажется, неприлично и не для чего. Буди в том их государское и сестры их великой государыни цесаревны святое и премудрое рассуждение и пресветлой их палаты здравые советы; но и начать войну, мира искать же, только не скоро его тогда сыщешь, тот же король польский начнет тогда ссорить, чтоб царская казна истощалась, а ратные люди гинули на боях. И в мысли нельзя держать не только нам, но и детям нашим, что поляки когда-нибудь перестанут к нам враждовать. Мне кажется, что лучше держать мир, а на поляков оглядываться, с турками и татарами поступать разумно. А войну из-за чего начинать? Прибыли и государствам расширения никакого не будет, до Дуная владеть нечем - все пусто, а за Дунай далеко. Валахи все пропали, да хотя бы и были, то они люди непостоянные, всякому поддаются; король польский возьмет их себе: что ж, из-за них с ним ссориться? довольно и старых ссор! Крыма никакими мерами не завоюешь и не удержишь. Воевать за церковь

божию? Святое и великое намерение, только не без трудности. Церковь греческая в утеснении там пребывает, и до святой воли божией быть тому так; а тут вблизи великих государей церковь божию король польский гонит, все православие в Польше и Литве разорил, несмотря на договоры с великими государями".

- "Турки и татары - вечные христианские неприятели, - повторял Украинцев, - теперь они с нами мир сохраняют поневоле, потому что ведут войну с поляками и немцами; теперь-то над ними и время промышлять. Теперь все государи против них вооружаются, а если мы в этом союзе не будем, то будет стыд и ненависть от всех христиан, все будут думать, что мы ближе к бусурманам, чем к христианам".

- "Зазору и стыда в этом ни от кого не будет, - отвечал гетман, - всякому своей целости и прибыли вольно остерегать; больше зазору и стыда - иметь мир да потерять его даром, без причины. Поляки лгут, будто им христианские государи хотят помогать. Если они теперь помирятся с турками и встанут на нас, то можно против них татар приговорить; если великим государям угодно, то я непременно сделаю, что татары всегда будут при нас".

- "Не пожелают великие государи бусурман нанимать и наговаривать их на разлитие крови христианской", - сказал Украинцев.

- "Какой в том грех, что призвать татар на помощь? - отвечал гетман. - Для чего короли польские их призывали на войну против Московского государства? Татары подобны мечу острому или городу крепкому; христиане носят же при себе меч для победы над неприятелем и обороны. Кто ни есть, только б мне был друг и в нужде помощник".

- "Государства у их царского величества пространные и многолюдные, - говорил Украинцев, - теперь многие люди ищут и желают службы, без войны жить не привыкли, а прокормиться им нечем; донские козаки беспрестанно бьют челом великим государям, что у них река улюднела, беспрестанно козаки думают о войне, без которой прокормиться им нечем; если не послать их на войну, то надобно давать большое жалованье. Если теперь службы не будет, то опасно от такого многолюдства, чтоб ратные люди и донские козаки не начали какого-нибудь нового дела; да и в малороссийских городах большое многолюдство, охочие и городовые полки желают службы; чтоб они не встали и над тобою какого зла не сделали, подумай об этом!"

- "У меня везде остережено, - отвечал гетман, - везде полковники - верные и надежные люди; если бы чернь на меня и зашевелилась, то у меня охочих конных и пехотных полков тысячи с четыре готовы да стрельцы московские. Гораздо опаснее, когда московские и малороссийские войска будут в соединении во время войны, тут, пожалуй, побьют бояр и воевод и

меня, тут и польская какая-нибудь хитрость будет. Посмотрел я, когда был вместе с князем Ромодановским: бывало, велит боярин идти какому-нибудь полку на известное место, куда необходимо, и от полковников начнутся такие крики и непослушанья, что трудно и выговорить. У нас в полках и не такие люди, вольница, но если я прикажу идти - идут без отговорки. В Москве не надобно много ратных людей держать, надобно рассылать их по порубежным городам и занимать их там городскими постройками; а в Москве держать полк, другой верных пожалованных людей; донских козаков чтоб поубавить, послать против черкес или кумыков".

Думному дьяку не удалось переспорить гетмана, который стоял на одном, что не следует менять золотой мир на железную войну. Украинцев кончил спор о войне и занялся другим важным делом. В Батурине, в Крупецком монастыре, жил епископ луцкий, князь Гедеон Святополк Четвертинский, ушедший из своей епархии от католического гонения. Думный дьяк отправился к епископу с вопросами о замыслах и поведении короля польского: для чего он, епископ, приехал в малороссийские города, давно ль посвящен в епископы, где и кем?

- "У короля и сенаторов, - отвечал Гедеон, - слышал я много раз, что они, улучив время, хотят войну начать с великими государями; а теперь какое у них намерение и поведение, того я не знаю. Приехал я сюда потому, что от гонения королевского мне житья не было, все неволил меня принять римскую веру или сделаться униатом; и теперь, идучи в поход, сам король и королева сказали мне, что когда король придет с войны, а я римлянином или униатом не сделаюсь, то меня непременно сошлют в вечное заточение в Мариенбург. Я испугался и прибежал сюда, желая здесь кончить жизнь в благочестии. При мне еще держались благочестивые люди многие, а теперь без меня, конечно, король всех приневолит в римскую веру, он притом стал упорно, чтоб благочестивую веру в Короне и Литве совершенно искоренить. В архиереи я посвящен Дионисием Балабаном, митрополитом киевским".

Повидавшись с епископом, Украинцев имел разговор с гетманом об избрании митрополита в Киев. "Я всегда этого желал и хлопотал, - сказал Самойлович, - чтоб в Малой России на киевском престоле был пастырь; теперь дух св. влиял в сердца великих государей и сестры их, что прислали они тебя с указом об этом деле. Я стану около этого дела радеть и промышлять, с духовными и мирскими людьми советовать, а думаю, что иным малороссийским духовным будет это нелюбо. Прошу у великих государей милости, чтоб изволили послать к святейшему цареградскому патриарху - да подаст благословение свое и уступит малороссийское духовенство под благословение московских патриархов. Да чтоб пожаловали великие государи меня и весь малороссийский народ, велели нам и вперед выбирать у себя в митрополиты вольными голосами по нашим правам. Знаю я подлинно, что это дело не любо будет архиепископу черниговскому (Лазарю Барановичу). Ему и то не любо, что епископ

луцкий приехал сюда, в Малороссию, говорит: "Разве его митрополитом киевским сделать, а то другого ему места нет". А епископ - человек добрый и смиренный, никакой власти не желает".

- "Если у архиепископа черниговского ненависть к епископу луцкому, - сказал Украинцев, - то ты бы, гетман, скоро его, епископа луцкого, в Москву не отпуская; пусть прежде духовные и мирские люди выберут митрополита в Киев".

Отпуская Украинцева, гетман сделал новое предложение: "Указали бы великие государи в Киев, Переяславль и Чернигов перевести на вечное житье русских людей (великороссиян) с женами и детьми, тысяч пять или шесть, и этим малороссийский народ обнадежился бы, что государи никому Малороссии не уступят, а поляки бы пришли в отчаяние".

Самойлович не удовольствовался тем, что говорил Украинцеву против польского союза; он послал с ним в Москву на письме длинный перечень причин, почему опасно было вступать в союз с польским королем. "Под иггом турецким, - писал гетман, - обретаются народы православной греческой веры, валахи, молдаване, болгары, сербы, за ними многочисленные греки, которые все от папина начальства укрываются и утешаются одним именем русских царей, надеясь когда-нибудь от них получить отраду. Известно, что папежаны усердно хлопчут в Иерусалиме овладеть гробом господним. Если бы чрез вступление царских величеств в союз цесарю римскому и королю польскому посчастливилось овладеть турецкими областями и принудить тамошние народы к унии, в самом Иерусалиме возвысить римский костел и понизить православие, то от этого все православные народы получили бы неутолимую жалость. Следовательно, надобно пред вступлением в союз выговорить безопасность православия, ибо великим государям союз этот может быть нужен только для сохранения и умножения православия да для того, чтоб здесь расширить границу нашу по Днестр и по Случ, а без корысти для чего вступать в союз? Да если бы поляки и обязались уступить эти рубежи и не трогать православия, то никогда не сдержат обещания, ибо папа разрешит от присяги. Царских подданных, калмыков и козаков донских и запорожских, тайными подсылками и прелестями поляки к себе перезывают; из всего видеть можно, что поляки преславному российскому царству враги; за одну веру нашу греко-российскую которую они уничтожают и искореняют, надобно бы с ними всем православным христианам побороться. Если великим государям угодно будет непременно вступить в союз, то не удобнее ли будет по крайней мере, отложить его, чтоб дать войскам отдохнуть и укрепить границу?"

В январе 1685 года приехал в Москву старший канцелярист Василий Кочубей с предложениями от гетмана - удержать реку Сожь, ввести Запорожье в исключительное владение великих государей. "А так как вся тамошняя сторона Днепра, Подолия, Волынь Подгорье, Подлясье и вся

Красная Русь всегда к монархии русской с начала бытия здешних народов принадлежали, то безгрешно бы было свое искони вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать усматривая способное время". Кочубей подал перехваченную грамоту королевскую к белоцерковскому протопопу с увещанием поднимать малороссиян к соединению с Польшею. "Нет такой цены и такого иждивения, какого бы я пожалел на воздвигнутие воинства козацкого и всего народа российского", - писал Собеский.

Касательно второго дела, митрополичьего избрания, гетман уже дал знать об нем знатнейшему духовенству, и Кочубей привез в Москву ответные грамоты к Самойловичу от черниговского архиепископа, также от киево-печерского архимандрита Варлаама Ясинского и других игуменов киевских монастырей: все благословляли мысль великих государей дать пастыря первой русской митрополии. Кочубей объявил об епископе луцком, Гедеоне, что он был очень болен, едва не умер; болезнь приключилась ему с того времени, как приехал его священник из Москвы и привез ему царскую грамоту, в которой епископ не был назван князем, тогда как король польский в своих грамотах всегда называл его князем; епископ - человек мнительный, ему показалось, что на него за что-нибудь государский гнев; если бы епископ умер, то в Польше обрадовались бы, разгласили бы, что бог покарал его за покинутие своей епархии. Гетман велел Кочубею доложить князю Голицыну: можно ли епископу приехать в Москву, поклониться великим государям?

Цари отвечали, что перемирия с Польшею нарушить нельзя, и сколько остается лет этому перемирию, гетману и всему войску известно, следовательно, когда придет время, поляки примут месть от бога за гонение на православную веру, чего великие государи усердно желают и впредь желать будут. За труды по избранию митрополита великие государи гетмана милостиво и премилостиво похваляют, пусть старается окончить это дело немедленно.

Гетман просил совершенного наставления, какое чинить духовному чину предложение относительно избрания митрополичьего. С ответом поехал в Батурин в апреле месяце окольный Неплюев: "Советовав с духовными всех малороссийских городов, с старшиною генеральною и со всеми полковниками, выбирать мужа, в божественном писании искусного, тихого и разумного, из тамошних природных обывателей, а не из приезжих; а как тому митрополиту поступать и какое послушание оказывать святейшему кир Иоакиму, патриарху московскому и всея Руси, и его преемникам, как судить, по каким причинам и тягостям власть константинопольского патриарха отложить, в каком почитании гетмана, старшину и все Войско Запорожское иметь, и о всяких церковных делах писать к св. патриарху московскому, а к св. константинопольскому патриарху ни о чем не писать и не посылать, причитания никакого к нему не иметь, под послушанием у него не быть и из-под его паствы за расстоянием дальнего пути совершенно отстать, потому что прежнее отлучение и благословенство

константинопольское нанесено было завистию и рвением неприятельским, особенно в нынешние времена, от богоотступника униата епископа львовского Иосифа Шумлянского и других подобных ему, на развращение церкви божией, отчего выросли многие расколы и падение церкви в Руси Красной и на Волыни и в других местах; киевскому митрополиту иметь у себя в области духовных всех малороссийских городов; по степени киевской митрополии быть первою между российскими митрополиями: обо всем этом написать статьи со всякою крепостию и осторожностью, подписать их митрополиту и всему освященному собору, также гетману, старшине, всем полковникам, есаулам и сотникам, и печатями укрепить и новоизбранного митрополита для архипастырского рукоположения отпустить в Москву".

Кроме наказа о митрополите гетман просил, чтоб станицы донских козаков не всегда пропускать в Москву, но отправлять их в Курск. На это Неплюев должен был ему сказать: донским козакам дела свои надобно доносить в Москве в государственном Посольском приказе, да и потому донским козакам на Курск ездить непристойно, чтоб Украйны козаки совершенно не знали и ни с кем бы согласия и советов не имели; гетману самому известно, что донские козаки - люди непостоянные и многие от них противные поступки являются. Наконец, Неплюев должен был объявить гетману, что великие государи жалуют ему в потомственное владение 52 крестьянских двора в Пронском уезде и в дар для потехи морского медведя.

Гетман отвечал, что он отправил в Киев присутствовать на митрополичьем избрании войскового есаула Ивана Мазепу и четверых полковников, что духовенство не будет противиться подчинению митрополита киевского московскому патриарху; но он, гетман, со всем войском и народом малороссийским бьет челом великим государям, чтоб они послали поскорее грамоту к патриарху константинопольскому, иначе тот может предать гетмана и лиц, бывших на избрании, и митрополита проклятию: "Известно, что греческие духовные власти по малой вине склонны бывают к нечае благословения". Да и потому нужно поскорее послать, что из польских областей будут побуждать константинопольского патриарха к выдаче неблагословения. Гетман при этом случае прислал копии с грамоты константинопольского патриарха Парфения, соизволявшего, чтоб московский патриарх посвятил в Киев митрополита. Гетман писал, что монаршеская благодать утешила его в плаче глубоком: в марте умерла дочь его, боярыня Шереметева, которой мужу он успел наконец доставить киевское воеводство, а в июне умер старший сын, Семен, полковник стародубский: "Сын любимый, первородный, надежда старости", - как писал старик. Царский посол Неплюев, "будучи здравого разума и рассуждения, увещательными словами в то время горькой печали" много помог гетману и ездил с ним за 30 верст от Батурина в Макошинский монастырь, где старик прощался с сыном, которого тело везли в Киев на погребение.

Самойлович писал Голицыну, что, отправляя в Киев Мазепу с товарищами, он дал им наказ ни под каким видом не объявлять, кого желает гетман в митрополиты, а только прислушиваться, к кому будет духовенство желательно и кого изберут - этого избрания не разорять. Но и без внушений Мазепы было известно, что гетман желает видеть митрополитом Гедеона Четвертинского, а не Лазаря Барановича, с которым у него были нелады. Лазарь сам не поехал в Киев на митрополичьи выборы и не послал никого из знатного духовенства своей епархии. Это обстоятельство сначала сильно мешало выборам; мешало и новое условие, при котором совершались выборы, - переход от константинопольского патриарха к московскому, так что многие "обретались, аки в растерзании ума", по словам Самойловича; наконец, избирателей смущали слухи из Белгородской епархии, рассказывали, что там митрополичьи чиновники сильно угнетают белое духовенство поборами, бьют священников на правеже, наказывают телесно, вводятся новые московские обычаи, велят при крещении окунать, а не обливать, отчего непривыкшие попы много младенцев потопили. Несмотря на эти помешки, дело сладилось, и 8 июля 1685 года был избран единогласно Гедеон, князь Святополк-Четвертинский. Уведомляя об этом счастливом событии царей, гетман просил, чтоб: 1) все древние права и вольности малороссийского духовенства оставались неприкосновенными; 2) чтоб киевская митрополия считалась первою между русскими митрополиями; 3) уговорить константинопольского патриарха, чтоб уступил права свои на киевскую митрополию патриарху московскому; 4) за киевским митрополитом оставить звание экзарха константинопольского патриаршества, чтоб православные епископы в польских владениях не избрали особого митрополита с титулом экзарха, что может заставить весь народ приклониться к этому новому митрополиту; 5) чтоб московский патриарх поставлял и благословлял митрополита киевского, но в суды его не вступался, как не вступался в них и патриарх константинопольский; 6) чтоб киевский митрополит носил митру со стоячим крестом и чтоб в его епархии перед ним носили крест; 7) чтоб в Киево-Печерской лавре печатались книги по-прежнему, а в монастыре Братском преподавались свободные науки на языках латинском и греческом; 8) все обычаи и отношения духовных властей к митрополиту оставить по старине; по смерти митрополита избрание его преемника должно быть вольное. В Москве согласились на все эти пункты, кроме одного, чтоб киевский митрополит носил титул экзарха константинопольского патриарха, ибо здесь заключалась явная несообразность: киевский митрополит будет подчинен одному патриарху и в то же время будет называться наместником другого! Осенью того же года новоизбранный митрополит приехал в Москву и был 8 ноября посвящен патриархом Иоакимом.

Дело было кончено, но для многих оно могло казаться неконченным; таким казалось оно и гетману Самойловичу, который боялся, что константинопольский патриарх проклянет его и всех малороссиян за отпадение от его ведомства, и не переставал упрашивать царей, чтоб они

выхлопотали в Константинополе позволение киевскому митрополиту перейти в ведомство московского патриарха. Еще в конце 1684 года грек Захарий Софир был послан за этим в Константинополь к патриарху Иакову; но патриарх отвечал, что теперь у них смутное время, ничего нельзя сделать; визирь при смерти, и неизвестно, кто будет на его месте. Болезнь великого визиря, разумеется, не могла остановить дела воссоединения русской церкви, и, когда уже Гедеон был посвящен в Москве, в конце 1685 года отправились в Турцию подьячий Никита Алексеев и гетманский посланец Лисица - к султану с жалобой на перезыв людей с восточной стороны Днепра на западную, к патриарху по делу о киевской митрополии. В Адрианополе, где находился тогда султан, явился к Алексееву грек Юрий Мецевит и объявил: "Когда был у патриарха грек Софир с грамотою великих государей о киевской митрополии, то я говорил святейшему, чтоб послал отпустительную грамоту о переходе киевской митрополии к московскому патриарху. Патриарх мне отвечал: без совета с другими патриархами и без созвания своей епархии митрополитов не могу этого сделать, боюсь визиря; если стану собирать митрополитов и узнает об этом визирь и спросит, в чем дело, то мне как ему не объявить? А если мне одному решить это дело, то мое отпущение не будет иметь никакой силы; да и визирь, если об этом узнает, велит мне голову отсечь, и я без визирского указа за это дело не примусь. Я, - продолжал Юрий, - писал об этом к князю Вас. Вас. Голицыну, и если у тебя есть указ царский, то домогайся у визиря, чтоб он приказал патриарху начинать дело".

- "Это дело можно патриарху сделать и без визирского указа, - отвечал Алексеев, - визирю об этом деле вовсе не нужно знать, и запрещения патриарху от визиря никакого за это не будет".

- "Нет, - возражал Юрий, - никак нельзя: надо созвать митрополитов, а из этих митрополитов одни патриарху друзья, а другие недруги, и если патриарх сделает дело без визирского указа и какой-нибудь митрополит донесет, что патриарх списывался с Москвою, то патриарха сейчас казнят".

Алексеев начал хлопотать, как бы повидаться в Адрианополе с иерусалимским патриархом Досифеем; но тот велел сказать ему, что прежде свидания с великим визирем этого сделать нельзя. Алексеев был у визиря и потом отправился к патриарху. Досифей начал прямо с того, что не будет советовать константинопольскому патриарху отказываться от киевской митрополии в пользу патриарха московского, потому что подобные поступки запрещены в правилах св. отец. "Мы не дадим своего благословения: прежде митрополиты киевские приезжали для поставления в Царь-град, и теперь бы изволили великие государи писать к нам о поставлении в Киев митрополита, и мы бы дали благословение, что вольно поставить его московскому патриарху, а не вечно быть той епархии за ним. А то прислали просить благословения, когда уж поставили! Это восточной церкви разделение. Я советовать об этом с константинопольским патриархом не буду и отпустительного благословения, конечно, не дам".

Досифею отвечал Лисица резко: "Гетман, все Войско Запорожское и народ малороссийский в подданстве у великих государей; гетман желает, чтоб и духовный чин был весь под благословением московского патриарха, да как уже то сделано, тому так и быть". Алексеев уговаривал Досифея тихо и ласково, представлял, что малороссиянам нельзя сноситься с константинопольским патриархом по дальности пути, за бусурманским гонением, за военными случаями, обещал государево жалованье. Досифей отвечал: "Я в это дело вступаться не буду, как хочет константинопольский патриарх, а я и за большую казну такого дела не сделал бы, да константинопольскому патриарху нельзя сделать без визирского указа".

- "Лучше было бы, - говорил Алексеев, - если бы св. патриархи это святое дело сделали, не разглашая неверным". Но Досифей остался при своем.

Алексееву дали знать, что ему не нужно ездить в Константинополь для свидания с патриархом; прежний патриарх Дионисий был снова возведен на престол и приехал по этому случаю в Адрианополь. Алексеев отправился к визирю и объявил ему о желании царей насчет киевской митрополии. Визирь обещал призвать к себе патриарха и приказать ему исполнить царскую волю. Алексеев отправился с этими вестями к Досифею и нашел в нем совершенную перемену. "Я, - сказал патриарх, - приискал в правилах, что вольно всякому архиерею отпустить из своей епархии к другому архиерею; я буду уговаривать патриарха Дионисия, чтоб он исполнил волю царскую, и сам буду писать к великим государям и к патриарху Иоакиму и благословение от себя подам особо, а не вместе с Дионисием". Дионисий со своей стороны не сделал ни малейшего возражения, обещал во всем исполнить царскую волю, как только возвратится в Константинополь и соберет митрополитов. Время было выбрано самое удобное: турки, угрожаемые войною с трех сторон, хотели поддержать мир с Москвою и спешили исполнить все царские желания; визирь обещал Алексееву, что султан запретит перезывать людей с восточной стороны на западную и строить здесь города; русские пленники были возвращены. Визирь говорил Алексееву: "Знаю подлинно, что польские послы просили у царского величества помощи на нас и уступали большую землю, но великие государи ваши отвечали, что с султановым величеством перемирные лета не вышли. Объяви, когда будешь в Москве, чтоб великие государи теперь султанову величеству какой-нибудь препоны не сделали, а вперед у них любовь и дружба еще более будут множиться; знаем мы, что московские великие государи славные и сильные, нет подобного им царя из христианских царей". По просьбе Алексеева позволено было вновь построить в Константинополе сгоревшую церковь Иоанна Предтечи. Из Адрианополя Алексеев поехал в Константинополь, где получил от патриарха Дионисия все нужные по киевскому делу бумаги и поднес ему 200 золотых и три сорока соболей; Досифею иерусалимскому дано было также 200 золотых. Дионисий просил государей прислать жалованье и всем архиереям, подписавшимся на грамоте об уступке киевской митрополии, по примеру царя Феодора Иоанновича, который

прислал жалованье всем архиереям, подписавшимся на грамоте об установлении московского патриаршества.

Таким образом, скорым окончанием своим в Константинополе киевское дело было обязано желанию турецкого правительства угодить царям, чтоб отвратить их от союза с Польшею и Австриею. Но эти угождения и комплименты великого визиря не могли обольстить московское правительство, которое знало, что тон переменится по окончании опасной войны. Несмотря на заключение мира при царе Феодоре, Россия постоянно испытывала недружбу турецкую. В 1680 году Юрий Хмельницкий посылал в Украйну лазутчиков и зажигателей. Мирное условие было нарушено, заднепровские города заселены, и турки презывали туда людей с восточной стороны. Чигирин заселился волохами; здесь явился полковником Петр Уманец, который в 1683 году нанял 8 зажигателей, послал их на восточную сторону, и пожары вспыхнули. Пойманные зажигатели рассказали, что целью поджогов было принудить жителей восточной стороны Днепра переселяться на западную. Зажигатели эти объявили, что из Нежина грек Митрофан ссылается с Юрием Хмельницким письмами, проведывает в Москве, в украинских и малороссийских городах вестей и обо всем пишет ведомость Московское правительство, впрочем, спешило вооружиться не против турок собственно, а против крымских разбойников, старые отношения к которым становились невыносимее по мере того, как в Москве становились более чувствительными к народной чести, более привычными к обращению с цивилизованными народами. В 1682 году царский посланник Тараканов дал знать из Крыма, что нурадин для получения подарков велел схватить его, привести к себе в конюшню, бить обухом, приводить к огню и стращать всякими муками. Тараканов объявил, что ничего лишнего против прежних дач не даст. Его отпустили в стан, на реку Альму, но пограбили все вещи без остатка. Вследствие этого правительница велела объявить хану, что московских посланников он уже не увидит больше в Крыму и нужные переговоры и прием даров будут производиться на границе. При этом цари требовали, чтоб хан прекратил войну с Польшею; а хан, наоборот, приглашал русских к нападению заодно с татарами на поляков. Но в Москве спешили воспользоваться удобным случаем, чтоб освободиться от крымских унижений, и не могли не раздражаться, когда гетман Самойлович продолжал толковать о необходимости сохранить мир с султаном и ханом. Окольничему Неплюеву велено было наконец сделать Самойловичу выговор за его противенство. Гетман испугался и послал просить у царей милостивого прощения, "чтоб не быть ему в нечаемой печали и приготовление на войну с бусурманами чинить не печальным, но веселым сердцем". Великие государи в октябре 1686 года послали сказать ему, что прегрешение его милостиво отпускают и предают вечному забвению, и потому он должен государское повеление исполнять с радостным сердцем. Голицын уверял Самойловича, "своего любезнейшего брата и приятеля", что великие государи содержат его в своей милости всегда неотменно и никогда их милость уменьшена не будет. Кроме гетмана Войска Запорожского явилось противенство еще с

другой стороны; константинопольский патриарх Дионисий умолял царей не начинать войны с турками, потому что в таком случае турки обратят свою ярость на единоверных с русскими греческих христиан. "Молим и просим ваше царское величество, - писал Дионисий в январе 1687 года, - не становитесь виновниками пролития крови такого множества христиан, не старайтесь помогать францужанам и истреблять единоверных христиан православных: это не будет ни богу угодно, ни перед людьми похвально".

Грамота опоздала. Еще осенью 1686 года был сказан ратным людям поход на Крым. В царской грамоте говорилось, что поход предпринимается для избавления Русской земли от нестерпимых обид и унижения; ниоткуда татары не выводят столько пленных, как из нее, продают христиан, как скот, ругаются над верою православною. Но этого мало: Русское царство платит бусурманам ежегодную дань, за что терпит стыд и укоризны от соседних государей, а границ своих этою данью все же не охраняет: хан берет деньги и бесчестит русских гонцов, разоряет русские города; от турецкого султана управы на него нет никакой.

В челе стотысячного войска выступил в поход "большого полка дворовый воевода, царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель" и наместник новгородский князь Вас. Вас. Голицын. Понятно, как Голицыну тяжело было уступить кому-нибудь другому честь завоевания Крыма; понятно также, как должна была беспокоить его и правительницу мысль о возможности неудачи. Есть известие, что Голицын против воли принял начальство над войском, потому что враждебные ему бояре требовали этого, зная, какие препятствия он встретит. Сбор ратных людей, по известным нам причинам, был очень медлен; по старому обычаю употреблены были сильные побудительные средства, но и тут оказалось много помещиков в "нетех". Как только Оберегатель удалился из Москвы на юг, так уже начались ему неприятности от врагов, особенно от главного из них - князя Мих. Алегукевича Черкасского. "Друзей и недругов у меня было много", - говорил впоследствии сам Голицын. В Москве у него оставался верный человек, не могший изменить по единству интересов, - Шакловитый. К нему-то Оберегатель обращался постоянно из похода с просьбами следить зорко за врагами, не давать им усиливаться, наоборот, давать им чувствовать силу Голицына, т. е. Софьи. Что сила эта не основывалась на праве - хорошо чувствовал Голицын; отсюда его желание приобрести право, отсюда робость пред общественным мнением, - робость, которая заставляла его постоянно оглядываться и прислушиваться. Однажды во время похода у Голицына был обед, обедало человек 50 с лишком военных; после обеда хозяин предложил чашу (тост) государеву и решился к имени царей присоединить имя сестры их, царевны Софии. Решившись на этот поступок, Голицын немедленно написал Шакловитому, чтоб тот прислушался и отписал ему, какие будут в Москве речи об этом. Вести из Москвы приходили нерадостные: писали, что Черкасский поднимается, займет место боярина Родиона Стрешнева. "Всегда нам печаль, - писал

Голицын Шакловитому, - а радости мало, не как иным, что всегда в радости и в своеволевье пребывают. Я во всех своих делах надежду имею на тебя; у меня только и надежды, что ты. Пожалуй, отпиши: нет ли каких дьявольских препон от тех? Для бога, смотри недреманым оком Ч. (Черкасского), и чтоб его в то не допустить (т. е. на место Стрешнева), хотя б патриархом или царевнами (тетками) отбивать". Голицын писал, чтоб отбивать Черкасского патриархом; а ему из Москвы давали знать, что патриарх вовсе не преданный ему человек, что и патриарх против него, побрал из церкви в Барашах сделанные Голицыным ризы и кафтаны и служить в них не велел. "О патриаршей дерзости подивляю, - писал Голицын Шакловитому, - отпиши, что порок на тех ризах? То делает все воля; как бы меньше имел вход (на верх), тогда б лучше было". Сильную неприятность получил воевода и у себя в полках. Стольники князь Борис Долгорукий и Юрий Щербатый приехали на смотр в черном платье, люди их были также в черном, лошади покрыты черными попонами. Легко понять, какое сильное впечатление на войско могли они произвести эту выходкою при тогдашнем суеверии. Голицын написал Шакловитому, требуя примерного наказания виновным: "Всем полком дивилися и говорили: если им не будет указа, будут все так делать. Умилосердися, донеси добром: этим бунтовщикам учинить указ добрый. Это пророчество и противность к государеву лицу, а грамоту об указе прислать мочно: что ведомо государю учинилось, что они так ехали; то было не тайно, всеми видимо; а если не будет указа, то делать нам с ними нечего; чтоб не потакнуто было, так бы разорить, чтоб вечно в старцы, и деревни неимущим того часу раздать; учинен бы был такой образец, чтоб все задрожали". Требование Голицына было исполнено: Долгорукий, Щербатов и двое других своевольников, на которых жаловался воевода, Мосальский и Дмитриев, узнавши, что в Москве готовят на них страшный указ, испугались, пришли к Голицыну со слезами и просили прощения, клянясь, что вперед уже не провинятся. Голицын "уступил им на их слезы", не велел сказывать указа и написал к Шакловито чтоб испросил для преступников милость государскую: по его с вам, наказывать раскаявшихся было не ко времени и не к делу.

Устроив окончательно войско на берегах реки Мерло, Голицын в мае месяце выступил в поход, направляясь к Конским водам. На Самаре присоединился к нему гетман Самойлович, под начальством которого было до 50000 козаков. Соединенные войска продолжали поход к Конским водам, перешли их 13 июля, достигли урочища Большой Луг; о татарах не было ни слуху ни духу, но встретился другой враг, более страшный, которого не было никаких средств победить, - степной пожар. Голицын собрал совет, решили продолжать поход; но в двое суток прошли не больше 12 верст: лошади не двигались от усталости и бескормицы, нигде не было ни травы, ни воды, люди ослабели от зноя и страшной копоти, которая мешала различать предметы. Проливной дождь дал воду, наполнив пересохшие реки, но травы не было; Голицын опять собрал совет на берегах Карачакрака: решили возвратиться назад, отправив к низовьям

Днепра 30000 войска, пополам великороссийского и малороссийского; московские полки пошли под начальством окольного Неплюева, козаки под начальством сына гетманского, Григория.

Главное войско двинулось назад и остановилось отдохнуть у Конских вод, где было довольно лесу и травы. Донося правительству о своем походе, прикрывая по возможности его неудачу, Голицын писал, что татары не смели выйти навстречу к царскому войску, а повредили ему, зажегши степи. Но в стане у Конских вод между русскими начальными людьми дело объяснялось иначе. "Распространился слух, - пишет Гордон, - что козаки по приказанию или по крайней мере с допущения гетманского сами зажгли степи с целию помешать вторжению русских в Крым, вследствие чего между русскими и козаками открылось взаимное недоверие". И действительно, вероятность была на стороне этого предположения, потому что козакам было бы невыгодно, если бы русские опустошили или покорили Крым: тогда и им пришлось бы плохо, Москва могла бы беспрепятственно нарушать их права и вольности.

Между тем правительница сильно испугалась неудачи похода, потому что враги Голицына торжествовали; она начала думать, как бы поправить неудачу, чтоб Оберегатель не возвратился с позором в Москву; беспокойство увеличилось, когда пришла весть, что степь жгли не татары, а козаки. Софья решилась отправить в обозы Шакловитого, который должен был предложить Голицыну: "Если возможно как ни есть, наготовя конских кормов и озапасясь своими запасами, идти на Крым в промысл, а к донским козакам, которые на море, послать, чтоб они с моря Крым тревожили и по возможности промышляли. Если того ныне учинить вскоре невозможно, велеть наготовить судов и сверху, откуда пристойно, препроводить и Казикерменские (городки) взять и из них велеть окольному Неплюеву и гетманскому сыну со всеми их полками идти плавною (ратью) на Крым, а в то время от себя послать товарищей с обозами, а с ними конницы по рассмотрению стройных людей, да пехоты и пушек и гранат побольше, и промышлять, а запасы и пушки и на конницу конский корм везти на волах и назначить срок, чтоб с обеих сторон придти на Крым вместе. Если того учинить нельзя, то построить на Самаре и на Орели города и всякие тягости и запасы и ратных людей по рассмотрению оставить, чтоб вперед было ратям надежное пристанище, а неприятелям страх". Шакловитый должен был ратным людям сказать милость государскую пространно, а Самойловича похвалить за его радение и сказать ему в присутствии Голицына: "Великим государям известно, что в степи, позади и по сторонам ваших обозов, жители малороссийских городов, ехавшие с харчами за обозом, сожгли конские кормы; ты бы, гетман, про тот пожар велел розыскать со всяким радением и виноватых наказал немедленно, потому что то дело великое, чтоб от таких поступков немногих воров, дерзостных и бесстрашных, малороссийским жителям не нанеслось какого-нибудь неудобного слова".

Но еще до приезда Шакловитого люди, ненавидевшие Самойловича, а таких было много в Малороссии, воспользовались случаем и начали хлопотать, чтоб неудобное слово нанеслось одному гетману. За объяснением причин ненависти к Самойловичу обратимся к малороссийскому летописцу. "Этот попович, - говорит летописец, - сначала был очень покорным и до людей ласковым; но когда разбогател, стал очень горд не только пред козаками, но и пред духовенством. Старшина козацкая, пришедши к нему, должна была стоять, никто не смел сесть, никто не смел войти на двор его с палкою; также и священники, самые знатные, должны были стоять с непокрытою головою; в церкви никогда не ходил сам дары брать, но священник к нему носил. Также и сыновья его делали. Если выезжал куда-нибудь, на охоту, что ли, священник не попадайся навстречу - будет несчастье, а сам был попович! Ездил, окруженный большою толпою, без кареты никуда, ни сам, ни сыновья его, и при войске все в карете; так был горд, как ни один сенатор; и сам гетман и сыновья его, будучи полковниками, вымышляли всякими способами, как бы побольше собрать денег с народа Людей военных мало жаловал для того, чтобы власть его и сыновей расширялась; сыновья его назывались не полковниками, но панами; не думали о перемене панства своего, надеялись на людей наемных и на казну великую; козаков ни за что считали и на дворы к себе не пускали, имея при дворах своих стражу сердюцкую, которой платили годовое жалованье; священник в несколько дней не мог добиться, чтоб его впустили на двор гетманский, хотя бы была ему крайняя нужда. Вообще всех людей ни за что считали, позабывши низость своего рода".

Сначала ласковость Самойловича до людей, ласковость, могшая происходить оттого, что у гетмана был опасный соперник в Дорошенке, не подавала повода к общему сильному неудовольствию; безукоризненная служба Самойловича царям не давала врагам его возможности обнести его в Москве. Но после удаления Дорошенка из Малороссии Самойлович и сыновья его, почуяв простор, разнуздались, неудовольствие стало расти между старшиною, духовенством и козачеством, а тут размолвка гетмана с правительством по поводу польского союза: на гетмана в Москве смотрят уже не по-прежнему, ему уже прислан раз выговор за *противенство*. Значит, можно воспользоваться степным пожаром, обвинить гетмана в измене и потребовать от правительства его смены: правительство не откажет, ибо не имеет больше сильных побуждений заступиться за гетмана; притом знали, что в старину Самойлович не был в ладах с Голицыным. Когда в 1677 году Голицын поссорился с Ромодановским, Самойлович стоял на стороне последнего. Но современник и очевидец событий, которому мы имеем полное право верить, Гордон, настаивает, что главною причиною падения Самойловича была всеобщая ненависть, которую он возбудил в Малороссии; летописец малороссийский подтверждает слова Гордона; следовательно, для нас вопрос об отношениях правительства и Голицына к Самойловичу теряет свое значение; на первом плане является то обстоятельство, что Самойлович

был дурной правитель, возбудивший всеобщую ненависть, что заступиться за него правительству было нельзя.

7 июля в обозе старшина Войска Запорожского обозный Василий Бурковский, судья Михайло Воехеевич, писарь Савва Прокопов, Василий Кочубей, есаул Иван Мазепа, полковники Константин Солонина, Яков Лизогуб, Степан Забела, Григорий Гамалея подали Голицыну донос на Самойловича: "Гетман старался препятствовать миру с поляками; узнав об его заключении, сильно огорчился и говорил окольному Неплюеву: "Увидите, что не все из ваших московских чинов будут вам благодарны за то, что разорвали мир с государством Турским и Крымским хитростию польскою"; при старшине говорил: "Купила теперь Москва себе лиха за свои деньги, ляхам данные; увидите, что в этом мире с поляками сыщут и что против хана сделают! Пожалели малой дачи татарам давать, а будут большую казну давать, что только татары захотят". Гетман не велел служить по церквам благодарственных молебнов по случаю мира. Известий о победах союзников не хотел слышать, поражениям радовался. Жена гетмана однажды говорила женам особ генеральных: "Сердит теперь и великие похвалки чинит Иван мой на Москву: пожалуй, то же сделает, что и Брюховецкий". Когда король польский в прошлом году отступил из Волошской земли, то бунчужный после разговора с гетманом наедине говорил: "Рад был бы господин гетман, если б поляки, утесненные татарами в Волошской земле, помирились с ними; тогда Москва узнала бы нас и стала бы уважать за то, что мы надежную дружбу с государством крымским имеем". Указал царским полкам дурное время для похода. Во время похода не старался добывать языков и не гасил горящих полей; из этого многие заключают, и мы знаем, что он приказал жечь степи. Терпя от солнечного зноя во время похода, говорил: "Вот как нам вредна эта безрассудная война московская: отняла у меня здоровье! Не лучше ль было Москве дома сидеть и своих рубежей беречь, чем с Крымом войну эту ненадобную заводить". Желая бесчестья московским и козацким войскам, советовал возвратиться назад из похода, а возвратившись, говорил: "Не говорил ли я, что Москва ничего Крыму не сделает? Так и случилось, и теперь нам надобно от Крыма защищаться". Смеется над неудачею похода; весел; говорил перед одною духовною особою: "Когда бы мне дал бог сына с Низу в добром здоровьи возвратить и в Батурин придти, то знаю, что сделаю!" "Да будет великим государям и то известно, - продолжает донос, - что гетман самовластно владеет и хочет владеть Малороссиею, грамоты монаршеские у кого хочет отбирает и пожалованное грамотами отписывает на себя или на детей своих; в Москву не только мирским, но и духовным людям ездить запрещает, города малороссийские не государственными, но своими называет и людям войсковым приказывает, чтоб ему, а не монархам верно служили". Говорил: "Когда возвратимся из крымского похода, то порадеем Малую Руссию лучше утвердить, а не так, как стоит в прежних статьях". Сын его Григорий в Чернигове бранил войта и мещан и грозил смертною казнию за то, что они хотели поставить на ратуше орла двуглавого в знак того, что город Чернигов - отчина царского величества;

Григорий говорил так войту и мещанам: "Не будете, мужики, жить на свете, когда хотите выламываться из подданства господина отца моего и поддаться Москве" - и заказал, чтобы не смели ставить орла. Гетман много раз говорил старшине: "Не послушала дурная Москва моего совета, помирилась с поляками; дождусь я того в скором времени, что будут снова меня просить. чтоб я посредником был к перемирию с государством крымским: только я уж буду знать, как государство крымское с Москвою мирить; будут меня помнить, будут знать, как и нас почитать". Он насмеялся над царскою монетою; пересылался с польским королем, предлагая ему свою службу; оставил только два моста для переправы царского войска. Говорил, что знает о движении хана, который даст, конечно, полякам добрую встречу: "Пусть же бояре, такие непочтливой матери дети, скажут и полякам дадут помощь, а нездорово дадут". В тот же день пришел к нему войт переяславский и говорил: "Жалуется Москва, что людей государевых много померло и очень много больных лежит"; а гетман сказал на это: "Хотя бы и все пропали, то я бы не стал печалиться". Однажды гетман был с полковниками московскими и с старшиною на обеде у обозного; после обеда полковник Петр Борисов размолвил с Гамалею, который, верно, в надежде на гетмана, сказал полковнику: "Что ты на меня, полковник, нарекаешь? Ведь вы не саблею нас взяли!" Гетман, слыша это, не сказал ни слова, только рассмеялся, а думать надобно, и похвалил. О землях по той стороне Днепра говорил жестоко: "Не так будет, как, Москва и поляки в мирных своих договорах постановили; сделаем так, как нам надобно". Все один делает, никого к думе не призывает, должности по своему гневу отнимает, а не по пристойным причинам, наказывает и бесчестит кого хочет, без суда и доводу, напрасно. За полковничьи места берет большие взятки и чрез то позволяет утеснять людей, чего при других гетманах не бывало. Людей старинных войсковых заслуженных всякими вымышленными способами теснит и слова доброго не говорит; а других мелких людей незаслуженных поставляя, тем дает знать, что может делать все, что захочет. В мельницах козацких нет козакам воли, ни знатным, ни заслуженным, все на себя забирает. Что у кого полюбится, возьмет, а что он сам пропустит, то дети его возьмут; тому только у него доступ, кто взятку дает; а кто не дает, хотя бы и годен был, отринут. Старшине генеральной нет у него чести надлежащей и безопасности; от гнева и угроз его больше мертвы бывают, нежели покойно живут. Судейской должности уже четыре года никому не дает, потому что никого добрым человеком не считает, хочет, чтоб эта должность за большие деньги была куплена; государево жалованье, соболинное и обьяринное, на двоих присланное, себе забрал. В отсутствие судей погасло право, обиженным нет управы, и оттого плачут многие. По всем этим причинам и по неспособности его нет надежды, чтоб и впредь Войско Запорожское на службе монаршеской что-нибудь похвальное оказало; желает все войско и со слезами господа бога молит, чтоб великие государи, для лучшего управления монаршеских своих дел и для утolenия многих слез, изволили указать с него должность гетманскую снять, а на ту должность по правам войсковым вольными

голосами выбрать кого-нибудь бодрственого, вернейшего и исправнейшего человека, который бы в нынешней войне не лениво, но радетельно и верно с войском во всяких случаях великим государям служил. С переменою гетмана Крым может быть заперт и вскоре силами монаршескими и Войска Запорожского повоенан. А если этого не будет, то при Самойловиче не может ничего к славе монаршеской оказаться, кроме бед; будет то, что от его притеснений все разбредутся, или, избави бог, чтоб в добрых не учинилось какой порухи. И о том все Войско Запорожское бьет челом, чтоб по снятии его с гетманства не жил он в Украине, но со всем домом взять бы его в Москву и казнить как явного изменника их царским величествам и Войску Запорожскому. Иных многих бесчисленных его злых поступков нельзя выписать: только у превысочайшего престола падши, просим о смене гетмана, потому что если бы на это не было соизволения царского величества, то Войско Запорожское из меньших чинов отнюдь его, как явного недоброхота, соблюдая к великим государям свою верную службу, не может терпеть и принуждено будет поступить с ним в скором времени по своим войсковым правам и обычаям, за что просим царское величество на нас не досадовать". После подписей имен приписали еще: "И то потребует высокого рассуждения, что он по высокому о себе разумению скрытым умыслом своим не только в народе малороссийском, среди которого он между мелкими людьми родился, не полагает никого себе равного происхождением и разумом, но и, великороссийского православия всякими чинами гнушаясь, не захотел ни за кого отдать своей дочери, но из-за рубежа нарочно приманил для этого князя Четвертинского, в чем полагает средство когда-нибудь достигнуть в Малороссии удельного владения; с этим явным намерением и печать Юраса Хмельницкого при себе задержал, не отсылая к великим государям".

Голицын отослал донос в Москву и до получения царского указа, разумеется, не мог приступить ни к чему, ни в пользу гетмана, ни против него. Войско продолжало двигаться назад, теряя много офицеров и солдат. По переходе чрез реку Орель 12 июля приехал к войску Шакловитый с милостивым словом за службу, спрашивал о здоровье всех от мала до велика. 14-го собрали военный совет для решения вопроса: что делать этим летом для воспрепятствования татарам вторгаться в Польшу или Украину? Шакловитый предложил последнюю статью своего наказа - построить крепость на Самаре; вероятно, Голицын убедил его в невозможности исполнения первых, особенно когда открылось гетманское дело. По окончании военного совета Шакловитый спросил гетмана зачем он, как узвано, позволил зажечь степи? Самойлович отвечал что он ничего не знает о пожогe. Тем дело и кончилось; после совета все начальные люди пошли обедать к гетману, и после обеда по обычаю гости дарили хозяина. 16 июля уехал Шакло витый, 21-го войска переправились через реку Коломак, недалеко от Полтавы, и раскинули стан; сюда пригнал гонец из Москвы к Голицыну с указом созвать старшину и сказать ей, что "великие государи, по тому их челобитью, Ивану Самойлову, буде он им, старшине

и всему войску малороссийскому, негоден, быть гетманом не указали и указали, у него великих государей знамя и булаву и всякие войсковые клейноты отобрав, послать его в великороссийские города за крепкою стражею, а на его место гетманом учинить, кого они, старшина, со всем войском малороссийским излюбят; а сказав им указ о посылке гетмана в великороссийский который город пристойно, также и о детях и о свойственниках гетманских по избрании нового гетмана учинить ближнему боярину по своему рассмотрению, как господь бог вразумит и наставит". Из этого указа ясно видно, что в Москве смотрели на дело Самойловича как на чисто малороссийское, не убеждались доносом в его измене, но не хотели оставлять гетманом человека, возбудившего всеобщее неудовольствие, боялись, "чтоб от того, от чего, боже сохрани, во всей Малороссии не учинилось какого замешания, бунта и кровопролития", как сказано в той же грамоте.

Получивши указ, Голицын призвал к себе русских полковников находившихся постоянно при гетмане, и приказал им как можно осторожнее, без шума, сдвинуть и запереть обоз около ставки Самойловича, из опасения, чтоб козаки не вздумали напасть на нелюбимого гетмана. Боярин велел полковникам дать знать старшине, что пришел указ о свержении гетмана и об избрании нового и чтоб они дали знать, когда у них будет все готово. Вечером полковники тихонько начали сдвигать обоз; однако это движение не могло утаиться от слуг гетманских, которые сейчас же дали знать об нем Самойловичу. Тот догадался, что затевается что-то недоброе; боялся он насилия со стороны козаков и ночью написал полковникам письмо, в котором выставлял свои заслуги правительству, объявлял свою невинность, требовал, чтоб его выслушали. Ответа не было. В полночь явился к Голицыну генеральный писарь Кочубей с известием, что все в безопасности, и с просьбою об арестовании гетмана. Боярин приказал, чтоб на рассвете гетман с сыном были схвачены и приведены к нему, также чтоб отданы были под стражу люди подозрительные, находившиеся в приближении у гетмана, наконец, приказал расставить сторожей по всем дорогам из стана, чтоб никто не смел уйти, дать знать сыну гетманскому Григорию о судьбе отцовской и возбудить мятеж по городам и се лам. Все было исполнено. На рассвете пошли было схватить Самойловича, но не застали его в шатре, он был в церкви и усердно молился. Когда служба кончилась и гетман вышел из церкви, подошел к нему отставной переяславский полковник Дмитрашка Райча, схватил его за руку и сказал: "Пойдем со мной". Гетман посмотрел вокруг и потребовал, чтоб ему дали переговорить с русскими полковниками. Полковники не замедлили явиться, ведя захваченного ими сына гетманского Якова. Гетмана посадили на дрянную телегу, сына его верхом на клячу и повезли под прикрытием стрельцов в большой стан к Голицыну. Здесь на открытом воздухе сидели все воеводы, генералы и полковники; явилась старшина и в краткой речи объявила, что она давно уже видела великие тягости от гетмана, а напоследок объявились и изменнические дела, о которых они и донесли, служа их царским

величествам. Так как теперь гетман схвачен и привезен в стан, то они, старшина, требуют, чтоб с ним поступлено было по войсковому праву. Голицын спросил, не обвиняют ли они гетмана, мстя ему какие-нибудь свои недружбы, и нельзя ли эти неудовольствия успокоить каким-нибудь другим образом? Старшины отвечали: "Хотя оскорбления, нанесенные гетманом народу и большей части из нас, и очень велики, однако мы не решились бы поступить с ним таким образом, если бы к тому же не присоединилась и измена, о которой, по нашей присяге, мы не можем умолчать; кроме того, мы с большим трудом могли удержать народ, чтоб он не растерзал гетмана: так он стал всем ненавистен". Тут входит старый гетман, опираясь на трость с серебряным набалдашником, голова его обернута мок рым платком, потому что он давно уже страдал глазами и головы ми болями. Голицын в коротких словах пересчитал ему обвинения гетман отвергнул все обвинения и начал оправдываться; поднялись споры между ним и тремя полковниками, Дмитрашкою Райчею, Солониною и Гамалеєю. Голицын велел вывести Самойловича; козаки хотели было наложить на него руки, но Голицын сдержал их и отдал гетмана с сыном под охрану стрелецким полковникам.

После этого козаки начали толковать о выборе нового гетмана.

Сочли нужным послать за духовенством и знатнейшими козаками в ближайшие полки; но в тот же вечер и на другой день оказалось, что ждать долее нельзя; козаки гадяцкого полка подняли бунт, убили полковника и разных других людей, так что Голицын должен был послать русских рейтар наблюдать за козацким станом; также начали козаки толпами покидать лагерь: откладывать вы бора стало нельзя.

24 июля собралась старшина у Голицына для выслушания статей, на которых присягали прежние гетманы. Положили принять глуховские статьи с прибавкою следующих новых: "1) при гетмане в Батурине для охранения и целости его быть полку московскому стрелецкому; 2) чтоб гетману и старшине, служа великим государям, народ малороссийский всякими мерами и способами с великороссийским народом соединять, в неразрывное и крепкое согласие приводить супружеством и иным поведением, чтоб были под одною царского величества державою обще, как единой христианской веры, и никто бы голосов таких не испускал. что малороссийский край гетманского регимента, а отзывались бы везде единогласно их царского величества самодержавной державы гетман и старшина и народ малороссийский обще с великорусским народом, и вольный переход жителям из малороссийских городов в великороссийские иметь". После статей начали разговор об имении бывшего гетмана, причем Голицын объявил: "Хотя по закону все принадлежавшее изменнику должно принадлежать царям, однако я, с опасностью навлечь на себя немилость царскую, беру на свою ответственность и определяю, что половина имения пойдет Войску Запорожскому, а другая в казну царскую". Все были довольны, и знатнейшие начали тихонько осведомляться у Голицына, кого

бы ему всего больше хотелось видеть гетманом? Голицын намекнул им, что ему больше всего хотелось бы Мазепу, и в тот же вечер у старшины положено было действовать в пользу Мазепы, причем положено было также отнять места у всех креатур Самойловича и раздать их членам новой, мазепинской партии.

25 числа выборные полки и стрельцы окружили походную церковь, поставленную в поле подле козацкого стана. В 10 часов утра приехал Голицын с начальными людьми и велел позвать в круг козаков, которых было 800 конных и 1200 пехоты; знатнейшие из них отправились с боярином в церковь, куда понесли пред ними знаки гетманского достоинства. После молебствия все вышли из церкви, подле которой поставлен был небольшой стол, покрытый богатым ковром: на нем разложили булаву и другие знаки гетманского достоинства. Голицын стал на скамью и сказал козакам, что их царские величества дозволяют им по их старому войсковому обычаю избрать гетмана и что каждый может свободно подать свой голос: так пусть же объявят, кто им люб. На несколько времени водворилось молчание, потом несколько голосов поблизости произнесли имя Мазепы, другие подхватили, и скоро по всей толпе раздались восклицания: "Мазепу в гетманы!" Слышалось и имя Борковского, но было заглушено. Голицын повторил вопрос знатнейшим козакам: кого они хотят гетманом? Все отвечали единогласно: "Мазепу!" Новый гетман присягнул и подписал условия, после чего получил из рук Голицына булаву, бунчук и знамя. Голицын указал на Мазепу как на человека, ему, следовательно, правительству, угодного; это указание должно было иметь важное влияние на выбор, и Мазепа должен был не на одних словах поблагодарить боярина: он дал ему десять тысяч рублей.

На Украине дело уладилось; но мы видели, как чутко Голицын следил за московскими толками, за внушениями своих недоброжелателей; и теперь он писал Шакловитому: "Что про гетмана будет слов, пожалуй, отпиши подлинно". Шакловитый уведомил, что внушают: зачем Самойлович свергнут без розыска? Голицын отвечал: "О гетмане, как учинилось, и о том писал я в отписках своих и в грамотах, из которых о всем можешь выразуметь. А пристойнее того и больше учинить невозможно. А что про него розыскивать, и такого образцу николи не бывало: извольте посмотреть в старых делах. А что от которого лица какое злословие, и то богу вручаю: он-то может рассудить, какая в том наша правда. Мы чаяли, что те лица воздадут хвалу господу богу и нам милость, как то учинилось без всякой помешки и кровопролития и замешания. Коли уж рассудить не могут, и они б взяли себе в пример турецкого султана, который то учинил назад тому два года: одним летом переменял двух ханов по татарскому челобитью, не розыскивая; только тому рад был, что они были у него в послушании и бунта никакого не учинили. Не мудро б и нам не переменить, только посмотрели б, что из того родилось".

Московские пересуды не помешали встретить и наградить Голицына как победителя; дело на Коломаке было выставлено как особенная заслуга Оберегателя. Голицын по возвращении из похода был так же могуществен, как и прежде, к нему и к сыну его Алексею обращались люди, желавшие получить что-нибудь от правительства. Так, обратился к ним полумертвый от старости Лазарь Баранович, который спешил воспользоваться падением Самойловича и прислал в Москву жалобу на приятеля павшего гетмана, киевского митрополита Четвертинского. 30 марта 1688 года черниговский архиерей Антоний привез царям грамоту. "Забвен был, яко мертв, - писал старик, - бых человек яко без помощи, еще живу мне сущу погребохся. Я, смиренный богомолец ваш, при старости моей и ослабевших всесовершенно силах, возненавиденный бывшим гетманом, утеснен был многими от него обидами, многими скорбями и неисповедимыми печальми, и утеснен был не просто, но, как мертвый, забвен, и при жизни землею покровен явился; что могло быть тяжелее, когда гетман запрещал мне посылать пред ваш царский престол письменные челобитья, дабы возмог приять милость и обрести благодать? Хотел он, да обрящуся, яко человек без помощи в мертвых свобода. Но бог, животворяй мертвые, даровал такое улучшить время, о котором могу сказать: се ныне время благоприятно, се ныне день спасения. Изшед от забвения гроба, прихожу пред пресветлейший престол с смиренным челобитьем: не отвергните меня во время старости моей, призрите на озлобление мое! Когда преосвященный отец Гедеон Святополк принял престол киевский, то я, презрев мою старость, встретил святыню его в Батурине, преклонил пред ним ослабевшие колена мои, надеясь, что призрит меня своею милостию за тридцатилетние мои труды, в архиерейском сане подъятые. Я просил его подкрепить данную мне митрополитом Дионисием Балабаном грамоту на семь протопопий; желал я также видеть данную ему вашим царским величеством грамоту на митрополию киевскую. Но преосвященный митрополит обиду великую старости моей нанес: прежде всего отнял у меня архиепископское имя, велел называть меня только епископом, тогда как это название дал мне отец ваш, блаженной памяти царь Алексей Михайлович по благословию троих вселенских патриархов. Потом отнял три протопопии; в укорительном письме к воронежскому священнику глуховской протопопии назвал меня пастушком и похитителем некоторых приходов, ему будто бы принадлежащих. Падаю пред вашего царского величества лицом, примите прошение мое: да буду со всею епархию моею прямо под благословением святейшего патриарха московского наравне с прочими великороссийскими архиереями, и пусть преемники мои поставляются в Москве, а не в Киеве". Архиерей подал грамоту и от гетмана. "Покорственно прошу, - писал Мазепа, - дабы ваше царское пресветлое величество изволили прошения и желания архиепископа милостиво выслушать и премилосердным удовольствоваться призьреньем". В то же время Лазарь и Мазепа писали об этом деле князю Вас. Вас. Голицыну и сыну его князю Алексею. Все прошения и желания их были исполнены.

Оберегатель готовился ко второму походу на Крым, тем более что хан мстил за первый поход вторжениями в Украину, а христиане турецких областей звали русские войска для спасения православия - и не от турок. В то время как русские должны были без успеха возвратиться из сожженной степи и поляки тщетно осаждали Каменец, другие союзники - австрийцы и венециане торжествовали над турками в Венгрии, Далмации и Морее. К поражениям от христиан присоединился бунт войска, султан Магомет IV был свергнут и на его место возведен брат его Сулейман II. Никогда еще Турция не была в таком печальном положении, и между христианскими подданными султана, естественно, рождалась мысль, что приходит конец мусульманскому владычеству.

В сентябре 1688 года приехал в Москву архимандрит афонского Павловского монастыря Исаия с грамотою от бывшего константинопольского патриарха Дионисия, сверженного, как он писал, за уступку царскому желанию в деле о киевской митрополии. Дионисий извещал царей, что теперь самое удобное время для избавления христианства от турок. "Всякие государства и власти благочестивых королей и князей православных все вместе восстали на антихриста, воюют на него сухим путем и морем, а царство ваше дремлет. Все благочестивые святого вашего царствия ожидают, сербы и болгары, молдаване и валахи; восстаните, не дремлите, придите спасти нас". Исаия привез грамоту от валахского господаря Щербана Кантакузина, который тоже писал, что от русских царей православные ожидают избавления своего из рук видимого фараона. Третья грамота такого же содержания была от сербского нареченного патриарха Арсения. Исаия объявил, что он послан от всех греков и славян умолять великих государей воспользоваться удобным временем для нападения на турок. Это необходимо сделать и для того, чтобы не отдать православных из бусурманской неволи в неволю худшую. Церковь православно-греческую ненавидят папешники: которые города в Венгрии и Морее, цесарские и венецианские войска побрали у турок, повсюду в них папешники начали обращать православные церкви к унии, другие превращать в костелы. Если римлянам посчастливится вперед, достанут под свою власть православно-христианские земли, если возьмут самый Царь-град, то православные христиане в большую погибель придут и вера православная искоренится. Все православные христиане ожидают государских войск с радостью; да и турки, которые между ними живут, лучше поддадутся великим государям, чем немцам, потому что все они рождены от сербов, болгар и других православных народов.

От имени Щербана Исаия говорил, чтоб великие государи послали войска свои в Белгородскую орду на Буджаки и Дунаем в судах прислали к нему, Щербану, который с семидесятитысячным войском придет на помощь к русским на Буджаки; для задержания крымцев можно оставить часть войска в Запорожье, а Белгородская орда против царских войск не устоит. В тех странах вод много, да и в запасах скудости не будет. Как только государские рати станут приближаться к Белгородчине, а он, воевода,

пойдет к ним навстречу, тогда все сербы, болгары и молдаване пристанут к ним же, и будет путь и до Царя-города без помешки, потому что за Белгородчиною все живут христиане, да и крепостей до самого Царя-города нет. Христиане ждут прихода царских ратей с радостью, и соберется сербов и болгар с 300000, все тамошнее христианство встанет, а немцам те народы вовсе не ради и помогать им не будут, разве по великой неволе. Теперь воевода в городе своем Бухаресте и войско его все в сборе, а никому не помогает, ни турку, ни цесарю, остерегает свое владение от турок, татар и немцев, и хотя к нему от цесаря и многие присылки были с прошением, чтоб встал на турка, и воевода цесарю в подданстве не отказал, однако еще не обещался поддаться, сказал, что, когда цесарь совершенно турка повоюет, тогда и он, воевода, его будет; воевода цесарю манит по причине веры, чтоб не быть под иноверцем, а быть под державою православных государей. Турки и татары землю его не разоряют, потому что он против них не встает и дает им, по силе, запасы, да и цесарским войскам также запасы дает, чтоб не наступали.

Государи отвечали Дионисию и Щербану, что имеют о всех православных христианах, живущих под игом поганским, попечение неотменное, и указали для того послать воевод своих со многими ратями на крымские юрты, и пойдут войска самым ранним вешним временем; а когда Крым будет разорен, тогда удобно будет идти и на ту сторону Днепра, на Белгородскую орду и за Дунай. Пусть валахский господарь высылает свои войска к турецким городкам на Днепре. С этим ответом отправился в Валахию грек Фомин; он уже не застал старого господаря в живых, подал царскую грамоту племяннику его Константину. Тот сказал ему, что у великих государей в подданстве быть всеусердно рад, только теперь писать об этом к государям от великого страха не станет; при том же надобно будет об этом объявить многим людям, дело разгласится, услышат немцы и всех их до конца разорят. Пусть великие государи напишут, на каких статьях быть ему у них в подданстве; тогда он на подданство лист напишет и все руки приложат; а когда он услышит, что царские войска придут Крым добывать, тогда и он с войсками своими пойдет в сход к царским воеводам.

В сентябре 1688 года объявлено было ратным людям о новом походе на Крым; в объявлении было сказано: "Ныне к великим государям писали св. вселенские патриархи, цесарское величество римский и королевское величество польский, также речь посполитая венецийская, все согласно, что в настоящее время Турское государство от господ бога приняло великое наказание и приходит бусурманское владительство к самой конечной погибели, и как от войск христианских, так и от междоусобные брани пришло в великое бессилие и безмочьство, какого на них разорения и погибели никогда не бывало и такого смятения не слыхано, что и сами о себе говорят, что пришла им, бусурманам всем, совершенная погибель, только некоторую надежду имеют на крымского хана с ордами. И будучи они, бусурманы, в отчаянии своем, в Греческой, Ромельской и Морейской

и Сербской и Болгарской землях православных христиан, мужеска и женска пола и невинных младенцев, после многих различных мук и поругався скверным поруганием, мечу и огню предали больше трехсот тысяч; и прочих христиан молодых и женска пола неисчетное множество, в неволе свою бусурманскую побрав, свезли за море".

Наученный опытом Голицын хотел предпринять поход раннею весною, чтоб не иметь недостатка в воде и траве и не бояться степных пожаров. Ратным людям велено собраться не позже февраля 1689 года. 8 ноября был объявлен сбор с посадских и всех торговых людей десятой деньги на войско. Голицыну было необходимо победить татар, чтоб победить внутренних врагов, которые не переставали ему напоминать о себе. Рассказывают, что убийца бросился к нему в сани и едва был удержан слугами князя; убийцу казнили в тюрьме после пытки, без огласки; незадолго перед отправлением в поход у ворот Голицына найден был гроб с запискою, что если и этот поход будет так же неудачен, как первый, то главного воеводу ожидает гроб. Сохранилось еще любопытное известие: Иван Бунаков был подвергнут пытке за то, что вынимал у Голицына след. Бунаков объяснял дело так: "Я взял землю в платок и завернул для того, что ухватил меня утин; и прежде сего то бывало: где меня ухватит, тут землю и беру".

К этим враждебным выходкам против Оберегателя присоединялось подкапывание под его клиента, нового гетмана малороссийского. Какие-то гультяи, по выражению Мазепы, распустили в Киеве слух, что гетман сносится с поляками, покупает в Польше имения. Киевский воевода Бутурлин отправил разгласителей в Москву, откуда их отослали к Мазепе в Батурин. По этому случаю гетман писал к Голицыну: "Прошу покорно благодетеля и заступника моего милостивого: как рукою своею возвел меня на уряд гетманский и милостиво, отечески обещал быть моим заступником и от напастей оборонителем, зная мою простую душу и простое сердце: так изволь по тому своему благодетельскому слову и вперед заступать и оборонять меня от таких опасных случаев. Никто не доведет, чтоб я в польской стороне хотел покупать маетности, этого мне никогда и на ум не приходило". Мазепа просит Голицына, чтоб позволено ему было пытать разгласителей этих слухов. Гетман догадывался, что киевский митрополит Геден не очень к нему расположен по своим приятельским отношениям к Самойловичу, знал, что сын митрополичий, молодой князь Четвертинский, жених дочери Самойловича, живет в Москве, и потому старался удалить его из столицы, заподозрив перед правительством. "Не без сожаления слышу, - писал Мазепа, - что князь Четвертинский, живя в Москве, говорит многие непристойные слова, бесчестит весь царского величества высокий сенат, никого себе не только высшего, но и равного не ставит и пакостными всякими словами укоряет. говорит и то, что он бывшего Самойловича снова на уряд его восстановит и всем его и своим неприятелям отмстит, и сюда, в Малороссию, к бывшей своей невесте пишет. А митрополит - человек мнительный и, как вижу, на меня досадует,

думая, что сын его по моему старанию отослан в Москву на всякое бесчестье; по митрополичьей досаде и киевский воевода Ив. Вас. Бутурлин ко мне неприязнен, ни о чем ко мне не пишет, на две мои грамоты не отвечал ни слова. Четвертинскому в Москве, для избежания всяких ссор, нельзя быть". Мазепа просил, чтоб "для всякой осторожности и для страха своевольным" государи позволили ему окружить себя наемными сердюками и драгунами.

При таких-то неблагоприятных для главных вождей условиях начался второй крымский поход. В феврале 1689 года 112000 войска двигались в степь под главным начальством Оберегателя. 20 марта Голицын писал царям из Ахтырки, что "походу чинится замедление за великою стужею и за снегами, да и денежная казна по сие время в полк не прислана и ратным людям, рейтарам и солдатам дать нечего". Стужа и снега не остановили гетмана Мазепу, и первым делом его при свидании с Голицыным было челобитье, чтоб великие государи пожаловали его, гетмана, и все войско малороссийское, повелели в малороссийских городах на башнях и ратушах поставить государский герб. Голицын, разумеется, поспешил обнадежить Мазепу, что просьба его будет исполнена великими государями. В половине апреля получены были вести, что в степях нет пожаров, но что хан собирает жечь траву в то время, как Голицын будет приближаться к Перекопи. Когда в Москве узнали об этом, то отправили Оберегателю грамоту, чтоб он, посоветовавшись с гетманом, послал знающих людей за Самару жечь степь вплоть до Перекопи и до турецких городков на Днепре: к приходу русского войска в те места поспеют новые травы. Голицын шел к Перекопи и в половине мая встретил хана с ордами. Варвары по своему обыкновению стремительно ударили на русское войско, но, обданные из пушек, ушли и не возобновляли более нападений, только на краю горизонта, спереди и сзади, как тучи, виднелись их толпы: хищники кружились над добычею, скифы заманивали врага в свои безвыходные степи.

Отбив хана, Голицын поспешил послать известие в Москву о своем торжестве, писал к правительнице, чтоб она помолилась о его благополучном возвращении. Софья отвечала: "Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравствуй, божию и пресвятые богородицы милостию и твоим разумом и счастием победив агаряне! Подай тебе, господи, и впредь враги побеждать! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна перед богом и недостойна; однако ж, хотя и грешная, дерзаю надеяться на его благоутробие. Ей! Всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки неисчетные".

20 мая войска подошли к знаменитой Перекопи, к укрепленному замку, защищавшему ров, который прорезывал перешеек: за Перекопью заветный

Крым, цель похода. Но что такое Крым? Люди лучшие, опытнейшие, как, например, Гордон, давно уже толковали Голицыну, что завоевать Крым легко, только степная дорога к нему несколько трудновата. Голицын испытал эту трудность в первом походе, избежал ее во втором, достиг Крыма и тут только увидел, что не решен был заблаговременно главный вопрос: что такое Крым и как его завоевывать? Думали, что стоит только вторгнуться в Крым с большим войском, татары испугаются и отдадутся на волю победителя; не подумали об одном, что и за Перекопью та же безводная степь, как и на дороге к полуострову, что татары могут истребить все и заморить врага голодом и жаждою. Голицын стоял у Перекопи: надобно было брать крепость, а войско уже двое суток было без воды; спешили к Перекопи, думая, что тут-то будет конец лишениям, и что же увидели? С одной стороны Черное море, с другой Гнилое, везде вода соленая, колодцев нет, лошади падают, еще несколько дней - и как будет отступать, на чем везти наряд? Чтоб возвратиться с чем-нибудь назад, Голицын завел мирные переговоры с ханом в надежде, что тот, испугавшись нашествия, согласится на выгодные для России условия: но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя. и он повернул назад без мира; рады были одному, что в степи, в страшный зной, при мучительном томлении жажды, татары преследовали легко, не всеми своими силами. Спустя два года слишком после похода вышел из татарского плена смоленский шляхтич Поплонский и рассказывал: "Когда государевы ратные люди пришли к Перекопи, Нурадин салтан говорил отцу своему хану: для чего он против тех ратных людей из Перекопи нейдет. а если он, хан, идти не захочет, то он бы велел ему, Нурадину. выйти; и хан сказал: присылал к нему князь Василий Голицын для договору о мире, и он для того против тех ратных людей нейдет, а если это их желание не исполнится, то они, татары, его князя Василья и со всем войском, если станет приступать, в Перекопь пустят и без бою всех переберут по рукам, а иные и сами от нужды перемрут, потому что в Перекопи только три колодца воды пресной".

Когда Голицын дал знать Софье о своем возвращении от Перекопи, то получил от нее следующее письмо: "Свет мой, батюшка. надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что господь бог прославил имя свое святое, также и матери своя, пресвятые богородицы, над вами, свете мой! Чего от века не слыхано, ни отцы наши поведаша нам такого милосердия божия. Не хуже израильских людей вас бог извел из земли египетские: тогда чрез Моисея, угодника своего, а ныне чрез тебя, душа моя! Слава богу нашему, помиловавшему нас чрез тебя! Батюшка ты мой, чем платить за такие твои труды неисчетные? Радость моя. свет очей моих! Мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, свет мой. видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои, врученные богу, к нам все дошли в целости. Из-под Перекопи пришли отписки в пяток 11 числа. Я брела пеша из-под Воздвиженского; только подхожу к монастырю Сергия чудотворца, к самым святым

ворохам, а от ворот отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла, иучи! Не ведаю, чем его, света, благодарить за такую милость его и мать его, и преподобного Сергия, чудотворца милостивого! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылке в монастыри, все то исполнила; по всем монастырям бродила сама, пеша. А раденье твое, душа моя, делом оказывается. Что пишешь, батюшка мой, чтоб я помолилась; бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть, и надеюся на милосердие божие; велит мне тебя видеть, надежда моя. Как сам пишешь о ратных людях, так и учини. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами, и все мы здоровы. Когда, даст бог, увижу тебя, свет мой, о всем своем житье скажу. А вы, свет мой, не стойте, пойдите помалу: и так вы утрудились. Чем вам платить за такую нужную службу, наипаче всех твои, света моего, труды? Если б ты так не трудился, никто б так не сделал". Официально, от имени царей, была послана Голицыну грамота: "Мы, великие государи, тебя, ближнего нашего боярина и оберегателя, за твою к нам многую и радетьельную службу, что такие свирепые и исконные креста святого и всего христианства неприятеля твоею службою не нечаянно и никогда не слыхано от наших царских ратей в жилищах их ногайских поражены и побеждены и прогнаны, и что объявились они сами своим жилищам разорителями: отложив свою обычную свирепую дерзость, пришед в отчаяние и в ужас, в Перекопи посады и села и деревни все пожгли, и из Перекопи с своими поганскими ордами тебе не показались и возвращающимся вам не явились, и что ты со всеми ратными людьми к нашим границам с вышеописанными славными во всем свете победами возвратились в целости - милостиво и премилостиво похваляем".

Ослепленная страстию Софья была в восторг что "свет ее" избег страшной опасности, возвратился здоровым из степного похода, где мог погибнуть со всем войском. Голицын казался ей вторым Моисеем, проводившим людей своих по дну морскому; ей представлялись только его труды, его опасности, в отбитии хана она видела действительно великий подвиг, великую победу. Но другие, и многие, имели право смотреть иначе на дело и имели право оскорбляться прославлениями, наградами за поход не достигший своей цели, и это уже был второй такой поход. Современники не могли так снисходительно смотреть на эти походы Голицына, как можем смотреть теперь мы, отдаленные от события более чем на полтора столетия.

Таково было участие России в священном союзе против турок. Результаты движений русского войска были ничтожны в сравнении с числом ратных людей, приготовлениями, издержками; но нельзя было сказать, чтобы походы эти были совершенно бесполезны, ибо они отвлекали крымского хана от подаяния помощи туркам в других местах.

Главное внимание правительства было обращено на юг: здесь хотели, закрепить Малороссию Киевом и освободиться от позора дани татарской. Разумеется, что, имея в виду эти две цели, хотели жить в мире с Швециею,

и в январе 1683 года были подтверждены условия Кардисского договора. Из сношений с другими государствами замечательны сношения с Пруссией: в 1688 году позволена была свободная торговля бранденбургским подданным у Архангельска; в следующем году чрез посланника Чаплича заключен был договор с Прусским двором о свободной торговле между подданными обоих государств; по ходатайству того же Чаплича дана была царская грамота о дозволении приезжать в Россию и селиться французским эмигрантам евангелического исповедания, принужденным оставить отечество вследствие уничтожения Нантского эдикта. Чаплич "объявлял и на письме предложил, что королевское величество французской начал в государстве своем ближних и иных людей неволить в вере евангелической, и многих мучением из государства своего разогнал, и, принуждая в неволю различными мучениями к католической вере, многих смерти предал, и, разлуча мужей с женами и детьми, держит в крепях, и которые, получа себе в чем свободу, бегут в разные окрестные государства, и к его курфирскому пресветлейшеству в державу прибежало тех изгнанных многое число, и впредь чают каких из Французского государства утекцов многих же людей, а что за умножением для прокормления и избавы от такого гонения желают иные быть в подданстве у нас, великих государей, и мы изволили выслушать и выразуметь приятно". Выслушивать это было тем приятнее, что русские послы, князь Яков Долгорукий и князь Яков Мышецкий, отправленные во Францию в 1687 году, встретили там не очень лестный прием, потому что ездили с не очень приятным для великого короля делом, с объявлением о вступлении царей в священный союз против турок и с приглашением последовать их примеру. В Дюнкерхене явился к ним пристав с вопросом от имени королевского: "Не для упрямства ли какого приехали и не будут ли в чем воле королевского величества противны?" Послы отвечали: "Такое странное вопрошение зело нас удивляет; мы присланы для любительных дел, а не для какого-нибудь сопротивления; прежним посланникам таких необыкновенных вопросов не задавали". После первых переговоров с министром иностранных дел Людовик велел сказать послам, что дальнейшие переговоры не нужны, король понял, в чем дело, и пришлет свою ответную грамоту прямо к ним, послам, без дальнейших церемоний. Долгорукий отвечал, что это неслыханное дело: все государи отдадут ответную грамоту сами послам, и они, послы царские, не примут грамоты иначе как из рук королевских. На это был ответ, что король вельми яростен, обещает послам учинить великое бесчестие и указал их отпустить назад до французского рубежа, до города Дюнкерка. Долгорукий сказал на это, что не только королевский гнев, но и самая смерть не может их принудить взять грамоту у себя на дворе. Людовик прислал подарки - послы их не приняли. *Мастер церемоний* говорил послам, что если они не примут даров, то король велит покласть их в возы силою; послы отвечали, что они не только даров, но и возов тех при себе никогда иметь не будут. "Королевский гнев страшен нам по вине, - говорил Долгорукий, - а без вины вовсе не страшен: должны мы прежде всего взирать на повеление

государей своих". Французы уступили, объявили послам, что министр иностранных дел опять будет иметь с ними разговор, только не в Париже, а в С. Дени, и потом король примет их в Версале. Послы переехали в С. Дени и здесь 22 августа имели разговор с министром. Послы предложили, чтоб и французский король вступил в союз против турок по призыву самого спасителя: "Идеже два или трие во имя мое собрани, ту и аз посреде".

Министр отвечал: "Государь мой с их царским величеством в братской дружбе и любви быть желает, за союз против врага креста святого благодарствует и желает всем христианским союзникам победы; только приказал его королевское величество объявить вам свое намерение, что ему теперь в союз с христианскими государями вступить невозможно, ибо король знает из газет, что христианские войска уже одержали победу над неприятелем, и если теперь королю вступить в союз и войска против турок послать, то ему последняя будет слава. Государь наш, монарх великий, ищет короне своей собственной славы, чтоб его войска находились не под иным чьим региментом, только под его. Да и для того король не может вступить в союз: в прежние годы он посылал свои войска на помощь цесарю против турок; только тем войскам от цесарских войск было великое утешение, ставили его войска в полях в худых местах, где не только живности, и хлеба достать было нельзя, а к неприятельским саблям посылали их прежде себя; потери французские войска потерпели страшные, а славы не получили никакой, вся слава досталась цесарю, от которого никакого воздаяния за то не было. Когда турки приходили под Вену, король наш предлагал цесарю войска на помощь, но цесарь этой помощи принять не хотел, неизвестно, по какой причине. Венецианам на помощь король посылал 8000 войска, когда была война в Кандии и Морее, но венециане эти войска в битвах выдавали, и королю от того никакой славы не выросло. У поляков войска мало, в прошлую войну с турками много они своего войска потеряли; а у нашего короля войска много, и может он своею особою победу над турками одержать. Между вашими государями и нашим расстояние дальнее, войском король никак им помочь не может, да и без всякой помощи цари могут одержать победу". Наконец министр объявил прямо: "Королю нельзя приступить к союзу, потому что между ним и цесарем исконная, всегдашняя недружба, а с султаном всегдашний мир и крепкая дружба; подданные королевские, торговые люди, с турками имеют великие торговые промыслы, и если с турками разорвать, то французской земле будет разорение. Какой бы разум и славу король оказал на весь свет, если б стал помогать недругу на друга; этого король никогда не сделает".

- "Что лучше, - возразили послы, - союз с христианами или мир с бусурманами? Королевские люди от войны с турками не разорятся, потому что под турецким игом не находится столько торговых людей бусурман, сколько христиан греков. Турки от союза всех христианских государей обратятся в бегство, христиане получают свободу от их ига и будут иметь

свои торговые промыслы, отчего французы получают больше прибыли, чем теперь от бусурман".

- "Государь мой, - отвечал министр, - служил государству своему много лет со всякою славою высокоразумными поступками; а теперь поступил бы не так разумно, если б без всякой причины с турками мир разорвал и помог тому, от кого впрямь ожидает государству своему всякой противности".

Послы говорили, что если король не хочет вступить в союз, то, по крайней мере, не мешал бы союзникам. Министр это обещал.

После этих разговоров послы ездили в Версаль к королю на отпуск, но здесь новое затруднение: в грамоте королевской царям было пропущено: "великим государям". Послы требовали, чтоб грамота была переписана, им отказали под предлогом, что король никому такого титула не дает и сам себя так не называет; послы не взяли ни грамоты, ни даров королевских. Мастера церемоний говорили, что королевскому величеству ни от кого в том таких досадительств прежде не было. Пристав и все королевские люди с посольского двора съехали. Послы жили в С. Дени на свои деньги, купили лошадей и собирались ехать, как им было наказано, в Испанию; послали к министру, чтоб выхлопотал у короля им пропуск через Францию. Пришел ответ: король отпускает вас на свои деньги в Гавр, а оттуда велит отвезти на военном корабле до испанского города Савостьяна (С. Себастьян), а сухим путем ехать не позволяет. По прибытии в Гавр послы узнали, зачем назначена была им эта дорога: им предложили принять дары королевские; если же не примут, то в Испанию их не повезут, а пусть остаются одни в Гавре как хотят. Послы приняли подарки.

Легко понять, какое впечатление произведено было на московский двор донесением Долгорукого, и вот после того являются в Москву два французских иезуита, Авриль и Боволье, с грамотою от Людовика XIV, в которой тот просит высочайших, превосходительнейших, державнейших и великодушнейших князей Иоанна и Петра Алексеевичей пропустить иезуитов чрез Россию в Китай.

Голицын принял иезуитов очень хорошо, дал им понять, что если б от него зависело, то желание великого короля было бы исполнено, но... Вследствие этого-то 31 января 1688 года иезуитов призвали в Посольский приказ и объявили волю великих государей: "Королевское величество французский в грамоте своей, которую вы объявили, писал противно и необыкновенно, и для того великие государи этой грамоты принять у вас и чрез города Великороссийского царства в Китай пропускать вас не указали, а указали грамоту отдать вам назад и отпустить в свою сторону тою же дорогою, какою вы приехали. Да и для того великие государи вас пропустить не указали: когда у короля вашего были царские послы, тогда государь ваш во время посольства их показал многую противность с бесчестьем на сторону их царского величества".

В Испании Долгорукий встретил почетный прием, уверения, что король находится в постоянном союзе с императором, помогает ему казною и войском. По незнанию состояния европейских держав и отношений между ними послам было наказано пригласить французского короля к союзу с императором против турок, а у испанского короля - попросить займы миллиона два или три ефимков! Ответ был, что за великими расходами и оскудением казны дать денег никак нельзя.

Сближаясь с Западом, вступая в священный союз христианских держав против неверных, чтоб окончательно стряхнуть позорные остатки татарского ига, спешили, разумеется, прекратить столкновения на отдаленном Востоке, столкновения с китайцами, происшедшие вследствие занятия козаками стран приамурских, которые богдыхан считал своими. Прекратить эти столкновения было необходимо и потому, что государство не имело никакой возможности посылать значительные рати за Камень, в неведомые страны, а козацкие отряды, способные принуждать к ясаку малочисленные, разбросанно живущие роды сибирских туземцев, оказывались несостоятельными пред многочисленными ополчениями Срединного государства.

Албазинские козаки поставили городки по Амуру, ходили на промыслы, били китайских данников, брали с них ясак. Китайцы писали к албазинскому воеводе Алексею Толбузину, чтоб он вышел из Албазина в свою землю, в Нерчинск, пусть русские промышляют соболей и других зверей в своих местах, около Нерчинска, а по Амуру вниз не ходят. Толбузин, разумеется, не послушался. В 1685 году 12 июля явилось под Албазин большое китайское войско и взяло город; Толбузин со всеми людьми был отпущен по договору. Китайцы ушли, не снявши хлеба; чтоб снять его, нерчинский воевода Власов отправил опять Толбузина с албазинцами, велел им сделать хотя малую крепость, где пристойно, из-за этой крепости снимать хлеб с полей и, снявши хлеб, поставить в удобном месте новый острог или город, ниже старого Албазина, чтоб неприятелю было не в уступку. Толбузин снял хлеб и возобновил старый Албазин. В июне 1686 года город был достроен, а в июле уже опять пришли к нему китайцы, в числе 5000 с сорока пушками. Защитников было не более 1000 человек. Воевода Толбузин был ранен пушечным ядром и от ран умер. В это время шел туда из Москвы окольник Федор Головин с войском, но вместе и в значении великого полномочного посла. В Пекин отправлены были гонцы известить китайское правительство о приближении Головина. Узнавши об этом, богдыхан послал своим воеводам приказ не приступать более к Албазину, а весною 1687 года, боясь прихода Головина с войском, китайцы отошли от Албазина вниз по Амуру версты с четыре, и албазинским сидельцам, которыми по смерти Толбузина начальствовал козацкий голова Афанасий Байтон, открылась возможность ходить вверх по Амуру; тридцатого же августа китайцы отступили совершенно от Албазина к устью реки Зии.

10 октября Головин получил из Москвы статьи, по которым он должен был вести мирные переговоры с китайцами: 1) настаивать, чтоб между русскими и китайскими владениями границей была написана река Амур; если китайцы не согласятся, то постановить границу рекою Амуром по реку Быструю или Зию. 2) Если и на это не согласятся, домогаться всячески, чтоб быть границей Албазину. 3) Если и этого не захотят, согласиться, чтоб в Албазине острогу и поселению с обеих сторон, русской и китайской, не быть, нынешнее строение снести и ратных людей вывести, чтоб вперед у албазинских жителей с богдыханскими подданными ссор не было, но чтоб русские промышленные и служилые люди могли свободно промышлять в албазинских местах, также по рекам Быстрой и Зии. Настаивать на эту статью, и если будет надобно, то дать китайским уполномоченным государева жалованья, только тайно, с прилежным рассмотрением, чтоб не было к умалению чести великих государей. 4) Если и на это не согласятся, то отложить заключение мира до другого времени и постановить, чтоб до окончания переговоров русские люди свободно промышляли в означенных местах. 5) Говорить с китайскими уполномоченными пространными и любовными разговорами, приводя их к тому, чтоб договор постановить по первой статье, по нужде по второй, а по самой конечной мере по третьей, а войны и кровопролития, кроме самой явной от них недружбы и наглого наступления, отнюдь не начинать. 6) Разведать подлинно и рассмотреть, каковы китайские люди к войне, какой у них бой, в каком числе, каким ополчением и строем ходят, и воинские промыслы чинят полевыми ль боями, или водяными путями, или приступами и осадами городов и крепостей, и к чему больше охочи и привычны, и на какой народ в воинских поведеньях похожи?

Только 9 августа 1689 года добрался Головин до Нерчинска, под которым уже стояли китайские великие послы. Для посольских съездов разбиты были наметы в поле: разбивал их сын боярский *Демьян Многогрешный*, бывший гетман Войска Запорожского. Для уговоров, как производить съезды, явились к Головину два посланца от китайских послов. Посланцы были в китайском платье, китайских шапках, с бритыми головами, с косами, поклонились по-китайски, но стали спрашивать, нет ли при после толмача, знающего латинский язык, они бы стали говорить по-латыни; переводчик нашелся. Оказалось, что посланцы были отцы-иезуиты, один - испанец Перейра, другой - француз Жербильон; они просили извинения у Головина, что поклонились по-китайски, а не так, как водится у христианских народов: что ж делать! Находятся они в китайской службе, и теперь с ними приехал китаец: чтоб не возбудить подозрения европейским поклоном!

В одно время с китайскими послами подъехал Головин к наметам, в одно время с ними вошел в наметы: русские сели в кресла, китайцы, поджав ноги, поместились на широкой скамье, покрытой войлоками, иезуитов посадили поодаль на малой скамье: переговоры велись на латинском языке.

Головин начал жалобой, что китайское правительство, не обославшись, начало войну, требовал, чтоб теперь все было успокоено, взятое возвращено. Китайцы отвечали, что русские козаки, Хабаров с товарищами, пришли в Китайскую землю, построили Албазин и в продолжение многих лет делали китайским ясачным людям нестерпимое насилие; богдыхан послал войско, которое взяло Албазин, но воеводу Толбузина отпустили, потому что он обещался назад не приходить, нового города не строить, ссор и задоров не заводить. Обещание не было исполнено; богдыхан опять послал войско под Албазин, но, как скоро узнал о приближении великого посла для мирных переговоров, велел войску отойти от Албазина; а земля, на которой построен Албазин и вся Даурская страна, принадлежит Китаю. Головин возражал, что если были какие-нибудь обиды со стороны русских людей, то богдыхану следовало дать знать об них великим государям, как ведется у всех народов, а не начинать прямо войны. Земля, где построены Нерчинск, Албазин и другие острожки, никогда во владении богдыхана не бывала, жившие на той земле ясачные люди платили ясак в сторону царского величества; и если когда-нибудь в древние времена и платили они ясак богдыхану, так делали они это поневоле, потому что те места были тогда от русских городов в дальнем расстоянии; а когда царского величества подданные построили в тех местах Нерчинск, Албазин и другие острожки, тогда даурские жители по-прежнему начали платить ясак в сторону царского величества.

Китайцы утверждали, что по реку Амур русские никогда не владели, что вся страна по сю сторону Байкала-моря принадлежит богдыхану, ибо она принадлежит мунгальскому хану, а мунгальцы все издавна подданные китайские. Наконец дело дошло до точнейшего определения границ. Головин объявил, что границею должна быть река Амур до самого моря: левой стороне быть под властью царского величества, а правой - богдыханова. Китайцы возражали, что река Амур во владении богдыхана от самых времен Александра Македонского. Головин отвечал, что об этом хрониками разыскивать долго, а после Александра Великого многие земли разделились под державы многих государств. Китайцы, оставя Александра Македонского, предлагали границу до Байкала и упорно стояли при ней, грозя приходом своих ратных людей под Албазин. Головин заметил им, что при посольских съездах не обычай грозить войною, и если они хотят войны, то пусть объявят прямо. Это велел он перевести на мунгальский язык, заподозрив иезуитов, что они, переводя с латинского на китайский, многие слова прибавляют от себя. Подозрение подтвердилось, когда китайцы отвечали, что они велели иезуитам говорить только о границе, а не о войсках. Но и на мунгальском языке китайцы стояли крепко за границу по Байкал; Головин должен был предложить им границу по реку Быструю; китайцы предложили границу по Нерчинск: левой стороне, идя вниз по реке Шилке к Нерчинску, быть за царями, а правой стороне до реки Онона и реке Онону быть за богдыханом по реку Ингоду. Китайцы на этом остановились и начали толковать о прекращении переговоров. Головин предложил границу по реку Зию. Китайцы, посмеявшись между собою,

отвечали, что они на такую границу согласиться не могут. На переговоры было употреблено два съезда, после чего китайцы велели снять свои наметы с съезжего места, объявляя, что больше съезжаться не станут, потому что больше уступить ничего не могут. Но это была только угроза: в Нерчинск приехали иезуиты с вопросом: какая будет новая уступка со стороны Головина? Тот отвечал, что никакой. Иезуиты тайно говорили толмачу Андрею Белободскому, чтоб Головин немедленно объявил о своей последней мере. "Мы, - говорили иезуиты, - приводим китайцев ко всякой склонности, а то они обычаев политических государств не знают и к войне склонность немалую имеют и поставить границу по реку Зию никогда не согласятся". Белободский отвечал по приказу Головина, что за их радение милость великих государей им будет, а войны русские не боятся.

В это время Головину дали знать, что китайские послы сносятся с окрестными бурятами и те хотят изменить великим государям, согласясь с китайцами, учинить над Нерчинском воинский промысел. Приехали опять иезуиты и предложили уступку со стороны китайских послов: быть рубежу вниз по реке Шилке, по реку Черную: правая сторона останется за китайцами, левая за русскими, а от Нерчинска до реки Черной ходу семь дней. Головин отвечал, что ниже Черной реки по обоим берегам Шилки построены русские острожки, которых уступить нельзя; Албазин стоит ниже Черной, от него до этой реки будет также дней семь или больше ходу. Иезуиты объявили, что богдыхан наказал своим послам никак не оставлять Албазина в русской стороне, об этом и помину быть не может; есть там еще Аргунский острог, но в нем большого поселения нет, и потому русским нетрудно уступить его в богдыханову сторону. Головин отправил к китайским послам Белободского с чертежом, чтоб китайцы показали на нем границу, только не реку Черную. Китайцы отвечали, что, кроме реки Черной, другой границы они постановить не могут. Белободский по возвращении донес Головину, что китайцы из обоза перебираются на суда. Но приехали иезуиты с новым предложением: быть границе по реке Горбице на пути между Нерчинском и Албазином. Иезуиты объявили тайно, что это уже последняя мера.

Вслед за тем Головину дали знать, что ясачные буряты и онкоты беспрестанно ссылаются с китайскими послами, чтоб быть им под властью богдыхана; китайские послы объявили им, что в то время, как китайцы пойдут за Шилку к Нерчинску, буряты и онкоты должны отогнать из-под города конские табуны и рогатый скот. Головин, "видя соглашение китайских послов с изменниками и великое упорство в определении границ, боясь, чтоб китайцы, по объявлении войны, не побрали всех ясачных иноземцев в свое владение и не разорили Даурской земли", отправил к китайцам опять Белободского с предложением границы по Албазин и промыслы иметь в зийских местах сообща. Китайцы не согласились, а предложили постановить границею реку Аргунь, Албазин должен отойти в китайскую сторону, а люди из него с оружием и запасами выйдут свободно. Головину дали знать, что многие бусы перешли от

китайского табора и начали ставиться на ключах ниже Нерчинска. Головин, видя, что китайцы начали делать приготовления к войне, боясь, чтоб не разорили с изменниками Нерчинского уезда и не взяли в свое владение всех ясачных тунгусов, юрт с 400, живших вверх по реке Нерче, опять послал Белободского объявить китайцам, что соглашается постановить границу на том месте, где построен Албазин, в Албазине городу и поселению никакому не быть с обеих сторон, нынешнее строение разорить и ратных людей вывезть. Китайцы не согласились, говоря, что своевольники русские люди соберутся и построят хотя и не в том самом месте, но близ Албазина другие крепости и станут воровать по-прежнему: и Албазин они построили своровавши, без царского указа. Когда Белободский потребовал, чтоб послы не переманивали к себе ясачных людей, то китайцы со смехом отвечали, что они их не переманивают и пусть Головин сам с ними управится, велит своим ратным людям смирить их; китайцы смеялись, зная, что у Головина мало ратных людей, а изменников гораздо больше.

Вслед за этим китайские послы сели на бусы и поплыли вниз по реке Шилке; вокруг Нерчинска по горам появилось тысячи с три вооруженных китайцев, которые стали с знаменами против самого города и на горах, в полверсте от Нерчинска, поставили палатки и развели по полю караулы. Головин послал Белободского спросить китайцев: что это значит? А сам со стрелецкими полками вышел из города в ожидании боя, засесть в Нерчинске было нельзя: острог был очень мал и худ и к воинскому промыслу безнадежен, многие бревна подгнили. Китайцы прислали с Белободским последнюю меру: быть границею реке Горбице, которая впадает в реку Шилку близ реки Черной, а с другой стороны быть границе по реку Аргунь и вверх Аргуни до реки Большого Годзимура, которая впадает с левой стороны; Аргунский острог снести и на Аргуне никаких крепостей и поселений не иметь, Албазин разорить, а с китайской стороны в этом месте никакого поселения не будет. Белободский объявил Головину, что видел многих изменников бурят и онкот: стоят вооруженные вместе с китайцами на караулах.

Между тем буряты и онкоты все продолжали переправляться за реку, к китайцам. Боярский сын Демьян Многогрешный с отрядом отправлен был уговаривать их возвратиться под царскую державу; но они ни в какие переговоры не вступили и начали стрелять; Демьян вступил с ними в бой и взял в плен трех человек: большого поisku над изменниками по малолюдству сделать было нельзя, а между тем 2000 вооруженных изменников стали вверх по Нерче-реке версты за полторы от города подле китайских караулов, в которых число людей становилось все больше и больше, а китайские послы толковали, что они посольским переговорам никакого препятствия не делают, караулы ставят для своей безопасности, до изменников им дела нет, пусть с ними Головин как хочет переводывается: последнее продолжали говорить, пересмеиваясь.

"Видя китайских послов многое упорство, измену бурят и онкот; боясь, чтоб по их примеру не изменили и тунгусы и не разорили бы, но согласно с китайцами, всей Даурской земли, не побрали бы всех ясачных иноземцев, кочующих у Байкальского моря; усмотря совершенно склонность китайских послов к войне, слыша от промышленных и служилых людей даурских острожков, что между Албазином и рекою Горбицею мало годных земель к поселению, а промыслов соболиных и других никогда в тех местах не бывало; желая рудокопное место, где сыскана серебряная руда, удерживать в царской стороне, также соленое озеро и многие пашенные места на той стороне реки Аргуни", Головин 23 августа отправил Белободского объявить китайским послам, что соглашается постановить границею реку Горбицу и город Албазин разорить до основания с тем, чтоб на этом месте не было никогда ни русского, ни китайского поселения. А по правую сторону реки Шилки, с Аргунского устья идучи до вершины рекою Аргуною вверх, - на правой стороне земле содержатся в стороне царского величества, а левой стороне - в стороне богдыхановой.

Китайцы согласились и прислали к Головину иезуитов для окончательных договоров; но тут открылись новые затруднения. Головин определял границу таким образом: от реки Горбицы с вершины до самого моря прямо Камнем, который лежит подле реки Амура; из того Камня покати к реке Амуру и реки, которые впадают в Амур, отходят в сторону богдыхана; а на другой стороне того же Камня покати и реки, которые лежат в полночной стороне, отходят в сторону царского величества. Иезуиты объявили, что китайские послы на это никак не согласятся. Уезжая от Головина, иезуиты отдали тайно Белободскому письмо на французском языке: они просили Головина прислать им соболей, горностаев, лисиц черных на шапки, вина доброго, кур, масла коровья. Головин послал сорок соболей на 80 рублей, сто горностаев на 10 рублей, лисицу чернобурю в 10 рублей - это из царской казны, да от себя Головин послал лисицу черную в 15 рублей, сорок горностаев в 4 рубли, полпуда масла коровья, 15 кур, ведро вина горячего. Иезуиты отдали двумя готоваленками, в которых было по ножу, по ножницам и по размеру ценою по 10 алтын, двумя портретами французского короля на бумажных листах и книгою (книгу французского короля Вирсалии, напечатанную).

Головин настаивал, чтоб написать границу по договору, а спорные места близ моря у амурского устья оставить без определения по реку Удь до другого, более удобного времени, ибо местность у амурских устьев ему неизвестна. Китайцы настаивали, чтоб положить границу от вершины реки Горбицы прямо Камнем до моря, до места, называемого Святой Нос. Так же не хотели писать в договоре, чтоб в Албазине не было никакого строения, на том основании, что это дело незначительное. Наконец китайцы уступили в первом пункте, русские во втором; написали договор, где определили границы так: "Река, именем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку с левой стороны близ реки Черной рубеж между

обоими государствами постановить такожде от вершины той реки каменными горами, которые начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам даже до моря протяженными обоим государствам державу тако разделить, яко всем рекам, малым или великим, которые с полдневные стороны с сих гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства, такожде всем рекам, которые с другие стороны тех гор идут, тем быти под державою царского величества Российского государства, прочие ж реки, которые лежат в середине меж рекою Удью под Российского государства владением и меж ограниченными горами, которые содержатся близ Амура владения Хинского государства и впадают в море, и всякие земли посреди сущие меж тою вышешюю рекою Удью и меж горами, которые до границы подлежат, не ограничены ныне да пребывают, понеже на оные земли разграничение великие и полномочные послы, не имеющие указа царского величества, отлагают не ограничены до иного благополучного времени. Такожде река, реченная Аргунь, которая в реку Амур впадает, границу постановить тако яко всем землям, которые суть с стороны левые идучи тою рекою до самых вершин под владением Хинского хана да содержитца правая сторона, такожде все земли да содержитца в стороне царского величества Российского государства и все строение с полдневные стороны той реки Аргуни снести на другую сторону той же реки. Город Албазин, которой построен был с стороны царского величества, разорить до основания и тамо пребывающие люди со всеми при них будущими воинскими и иными припасы да изведены будут в сторону царского величества".

Внутри государства важные преобразования, замышлявшиеся при царе Феодоре, были остановлены смутю, начавшеюся тотчас после его смерти. Мы видели, что в конце царствования Феодора были вызваны в Москву выборные со всего государства, два человека от каждого города, для разборов и уравнивания всяких служб и податей. Тотчас по смерти Феодора этих *двойников* распустили по домам и от имени Петра разослали грамоты к воеводам: "Указали мы всех двойников отпустить по домам: а им, приехав, в тех городах и пригородах, в уездах, во всех слободах и в волостях и в селах, с земскими старостами и иных чинов с тамошними жилаецкими людьми, в тамошни и на кружечные дворы и к иным сборам нашей казны выбрать между собою в головы и в ларешные целовальники, из каких чинов наперед сего у тех сборов бывали и ныне собирают, самых добрых и правдивых людей: а ты бы (воевода) в тех выборах всякое им вспоможение чинил, а ни для чего в те выборы тебе не вступаться и помешки им не чинить". К чему повел вызов двойников, с какими наказаниями они возвратились, не знаем. Видим в грамотах прибавку, чтоб воевода не вступался в выборы и не делал им препятствий; но мы знаем, что уже давно воеводам запрещено было вступаться в выборы; повторение запрета показывает, что воеводы не обращали на него надлежащего внимания. Жители Вятской области выпросили у царя Алексея право во всех своих городах иметь подьячих по мирским выборам; но в июне 1682 года прислали челобитную: "Вопреки царскому повелению сидят у нас

подьячие без мирских выборов, по подписным челобитным и по накупам чинят нам налоги и утеснение, от письма берут лишние взятки, и от тех их налогов и лишних взяток разорились мы вконец напрасно и вятские уезды пустеют". Государи, разумеется, велели быть подьячим по мирским выборам. Дело о крестьянах, дворовых людях и закладчиках, которые поселились в городах для промыслов, тянулось. Мы видели, что по Уложению все они были закреплены за городами *тянуть* вместе с посадскими людьми. Но после Уложения подобные люди, отбывая крепостной зависимости, уходят от помещиков и вотчинников в города, занимают здесь промыслами и тянут вместе с посадскими людьми. Происходит новое столкновение интересов: помещики и вотчинники требуют беглецов назад; посадские люди бьют челом великому государю, чтоб их не отдавать, потому что без них тяжело будет тянуть, подати не будут уплачиваемы. Страшная угроза для правительства, и правительство оттягивает беглецов. Царь Алексей Михайлович указом 1655 года не велел отдавать их прежним владельцам. Правительница Софья 17 декабря 1684 года указала: тех людей, которые живут в посадах и слободах по торговым и рукодельным промыслам и по женитьбам, женившись на посадских тяглых вдовах и девках, и по посадским дворам и по градскому житью, и которые написаны в переписных книгах 1678 года, и которые в тех книгах не написаны для отъездов торговых и ремесленных промыслов, а иные пришли после переписных книг, - и тем пришлым людям жить в посадах бесповоротно и тягло всякое платить, службы служить с посадскими людьми, а помещикам и вотчинникам и всяких чинов людям их в крестьянство и холопство не отдавать, а которые крестьяне придут после указа 17 декабря 1684 года, тех искать судом.

Уезды не переставали пустеть; в Москву доносили: "Мимо Верхотурья и Верхотурского и Тобольского уездов, через слободы из русских и из поморских городов беглых крестьян с женами и детьми прошло многое число". Бежит крестьянин подальше за Камень, чтоб не сыскали, потому что бегство - единственное средство спасения от насилий сильного; вступая в крестьянство, он дал на себя запись, где выговорены все его обязанности и не выговорено никакого обеспечения против обид господина; вот эта запись: "Я, Иван Кондратьев сын Большаков, дал на себя сию ссудную запись стольнику Ив. Григор. Неронову, взял я, Иван, у него на ссуду денег 10 рублей, и на те ссудные деньги мне завести всякий крестьянский завод, и с тем заводом жить мне за ним, государем своим, в крестьянстве, где он, государь, укажет, а буде жить не стану и всякого завода не заведу и из-за него куда сбегу, и ему взять те свои ссудные деньги на мне, а крестьянство и впредь крестьянство, и вольно ему меня продать и заложить и самому владеть". Негодяи пользовались доверчивостью крестьян, чтоб поднимать их против крепостной зависимости. В сентябре 1682 года в Белгородском уезде, в вотчине митрополита белгородского, в селе Новой Слободке с деревнями, крестьяне чинили между собой советы, и в колокола на бунт били, и в круги сходились и белгородского пристава, который посылан был за ними,

били и вязали и наказную память отняли, к митрополичью двору приходили, посельского старца и домовых людей побить хотели; из Белогорода посланы за ними начальные люди с стрельцами, и они им взять не дались. Пятеро крестьян приехали в Москву с челобитьем, чтоб им за митрополитом в крестьянстве не быть: их здесь схватили и послали в Курск для розыску. Оказалось, что белгородец Федька Озеров, приехав из Москвы, научил крестьян бить челом о свободе и просил с них 20 рублей, говорил: станет им всего небольшое, по гривне с двора, и ныне на Москве время, от крестьянства вас отставят; а у него, Федора, в Москве, в патриаршем разряде, дядя дьяк Анисим Озеров ту их челобитную донесет до великих государей и то дело сделает. Озеров и митрополичий крестьянин Трошка Чепурный, более других принимавший участие в бунте, повешены; другие бунтовщики, всего 27 человек, биты кнутом на козле и в проводку нещадно и отосланы к митрополиту в крестьянство по-прежнему.

По старой печальной пословице, когда волки дрались, с овец шерсть летела. Боярин Петр Васильевич Шереметев жил не в ладах с князем В. В. Голицыным, и управители дворцовых волостей позволяли себе все с крестьянами Шереметева: дворцового села Дунилова воевода Шишкин с головою таможенного и кружечного двора, со всеми крестьянами и солдатами, с бсрдышами, топорками, дубинами и копьями ворвался в шереметевское село Горицы на богомольную ярмарку на праздник Рождества Богородицы: что на боярском дворе боярской сборной казны было, все грабежом побрал без остатку, а крестьян били, увечили, что на ком было денег и одежды, все взяли. Горицкие крестьяне, разумеется, били челом на насильников; но по России ходила также пословица, что "на Москве дела даром не делают".

Приехал в 1683 году в Москву слуга Прилуцкого монастыря по делам в Стрелецком приказе и внес в роспись расходов: дьяку несено деньгами 10 рублей, пирог, голова сахару, семга, гребень резной, полпуда свеч маковых, два ведра рыжиков, людям его два алтына. Старому подьячему деньгами 28 рублей, пирог, ведро рыжиков, людям его четыре деньги. Молодому подьячему деньгами три рубля; да ему ж с дьячим племянником в погребе выпоено церковного вина на семь алтын. В приказе Большие Казны старому подьячему от sprawy, от памяти, что отпустил в Стрелецкий приказ, несено пирог да семга. Молодому от письма от памяти десять денег.

Где дело идет об отношениях между сильным и слабым, встретите то же, что и в крестьянской записи. Девочка-сиротка живет у замужней сестры, тяжело содержать лишнего человека, и вот старшая сестра и муж ее отдадут девочку в услужение чужому человеку; пишется запись, в которой предусмотрительные и нежные родственники выговаривают, чтоб чужой человек не только содержал девочку за ее работу, но и устроил ее судьбу с ее согласия: "Я, такой-то, и жена моя отдали, я свою свояченицу, а она

свою сестру-девицу, такому-то жить во дворе его до возраста; а как она будет на возрасте, и ему дать ей приданого по силе и выдать замуж за вольного человека или за кого она похочет. А живя, ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему ее кормить, одевать и обувать". Ей - вести себя хорошо, а ему - только кормить, одевать и обувать, вести же себя хорошо в отношении к ней - этого не считали нужным выговаривать.

Пред нами продолжает разворачиваться прежняя картина юного общества, не выработавшего сдержек для сильных людей. Сильные живут порознь, *особе*, и ведут войну друг с другом: правительство ведет кровавую борьбу с ними, но гидра растет под ударами, меч притупляется, надобны другие средства.

В Калуге к съезжей избе приезжает помещица Марфа Кишкина, привозит мертвое тело мужа своего, бьет челом: в деревню мою Чувашеву на огород приехал сосед Иван Кондырев с людьми своими и крестьянами, нарядным делом и начал ломать изгороду нашу и жечь; муж мой вышел и стал ему говорить, чтоб не ломал и не жег, а он, Иван, убил его за это до смерти. Тело осмотрели и записали; воевода послал за убийцею, чтоб ехал в Калугу; но Кондырев не поехал; не было у воеводы мочи сладить с сильным человеком. Вдова подождала, видит, что в Калуге добиться ничего нельзя, взяла мертвое тело и повезла в Москву в Сыскной приказ. Здесь опять тело осмотрели, записали и дали управу. Свидетели показывали, что сам Кондырев Кишкина не бил, били люди его. Кондырева били кнутом нещадно и сослали в Сибирь с женою, но не с детьми, одно поместье его отдано вдове Кишкиной, другие оставлены детям преступника. За этим делом другое в том же роде: поссорились также за землю два помещика, Левашов и Пуцин; Пуцин пожег у Левашова скирды ржи и сена; Левашов рассердился и послал сыновей своих и крестьян убить Пуцину, что и было исполнено. Преступник потерял за это голову. Поссорившись за землю, помещики бьют друг друга; понятно, что они не спустят межевщикам, когда им покажется, что те межуют не к их выгоде. В 1686 году пришла жалоба от межевщиков, что дети боярские и козаки, помещичьи и вотчинниковы люди и крестьяне, скопясь многолюдством, бунтом, со всяким оружием на них приходили, с земли их сбили, мерять не дали, верви поотнимали и разорвали, а иных межевщиков и подьячих и людей их били. Правительство отправило дворян добрых для розыску, виноватых велено бить кнутом на козле и в проводку нещадно; по розыску наказание чинено, и, несмотря на то, жалобы межевщиков не прекращаются.

Священникам по-прежнему не было пощады от сильных людей. В 1684 году новгородский митрополит Корнилий получил такую челобитную от помещиков Новоторжского уезда, прихожан церкви Илии-пророка на прихожанина той же церкви Сверчкова, на сына его и племянников: "У нас в приходе нашего священника Васильева он, Сверчков, с сыном и

племянником от церкви божией сгоняет: племянник его прибил того нашего священника до крови, и оттого в церкви Илии-пророка службы не было многое время. Да сын его, Сверчкова, приведши того священника на паперть, раздевал дважды, хотел бить плетми, да в то же время дьячка и пономаря бил плетми до полусмерти, неведомо за что". В 1688 году священник Иаков из Арзамасского уезда объявил, что Иван Ржевский звал его к себе в дом петь молебна и обедать с попадьёю его. Прилучился тут Петр Шадрин; после обеда попадьёю его пошла домой, и на улице люди Шадрина, по приказу господина своего, попадьёю его били и увечили до полусмерти; он вышел попадьёю своей отнимать, и его били же и увечили. И, пришедши домой, попадьёю его от тех смертных побой стала быть при смертном часе; он послал сына своего в вотчину Михайла Аргамакова за попом Варфоломеем, чтоб он попадьёю его исповедал и причастил. Поп Варфоломей приехал, а его, попа Иакова, в то время дома не было, был у Петра Шадрина и от него, Петра, пошел к себе домой; и в то время выбежал на улицу с Петрова двора Шадрина сын Ивана Ржевского Афанасий с людьми своими, и его, попа Иакова, били и увечили и пошли к нему на двор, а за ними пошел к нему и Петр Шадрин с людьми. Поп Варфоломей исповедовал в клети попадьёю, и Афанасий Ржевский, ухватя попа Варфоломея за епитрахиль, из клети вытащил и начал с людьми своими и с Петровыми бить и увечить, оставил чуть жива, и тайну Христову всю пролил под ноги и ногами потоптал, а бил Варфоломея, приговаривал: "Ты поп Михайла Аргамакова: почто к нам с дарами в приход едешь? Что было тебе, то будет и Петру Аргамакову с сыном".

Мы видели, как русские люди страдали от разбойничества, для усиления которого было много благоприятных условий; мы встретили известие, что строитель пустыни участвовал в разбойничестве: в описываемое время встречаем новое поразительное известие. В 1688 году князь Яков Лобанов-Ростовский да Иван Микулин ездили на разбой по Троицкой дороге разбивать государевых мужиков с царскою казною; мужиков они разбили и казну взяли себе, двух человек убили до смерти. Про то их воровство розыскивано, и по розыску князь Яков Лобанов взят с двора, привезен к Красному крыльцу в простых санишках, и учинено ему наказание: бит кнутом в жилецком подклете, по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой да отнято у него бесповоротно 400 дворов крестьянских, а человека его, калмыка да казначея, за то воровство повесили; Микулин бит кнутом на площади нещадно, сослан в Сибирь, и отняты у него поместья и вотчины бесповоротно.

Встречаем целый ряд известий о преступлениях, совершенных людьми из честных родов; в 1684 году учинено наказание Петру Васильевичу Кикину: бит кнутом перед Стрелецким приказом за то, что девку растлил; да и прежде он, Петр, пытан на Вятке за то, что подписался было под руку думного дьяка. В 1685 году бит кнутом Хвоцинский за то, что на порожном столбце составил было запись. Князь Петр Кропоткин бит кнутом за то, что выскреб и при писал своею рукою. Биты батогами

Кутузов и Нарышкин за то что они ручались по касимовском царевиче в человеке.

В связи с этими явлениями любопытно взглянуть на движение законодательства в описываемое время. В начале правления Софьи было постановлено: за один разбой и воровство без убийства и пожогу бить кнутом, отрезать левое ухо, два пальца у левой руки и сослать в Сибирь на вечное житье с женами и детьми, которые не в разделе, за два воровства чинить указ по Уложению, за три казнить смертью. Но в следующем же году постановлено резать у преступников уши вместо отсечения пальцев, и тогда же за произношение возмутительных слов запрещено было казнить смертью. велено бить кнутом и ссылать в разные города. В начале 1689 года постановлено было не окапывать в землю жен за убийство мужей. но отсекаль им головы. В частных договорных записях не считали нужным выговаривать, чтоб хозяин обходился хорошо с поступавшими к нему в услужение; но правительство старалось обеспечить несчастных должников от неистовства заимодавцев, к которым они отдавались в зажив головою: в 1688 году велено отдавать в зажив должников мужеска пола с женами, женска с мужьями, работать им - мужчинам за год по пяти рублей, женщинам по два с полти ною; по тех людях, кому они будут отданы, брать поручные записи, чтоб им должников не убить и не изувечить. В том же году был издан указ о невзыскании со вдов и детей долгов, если после умерших никаких пожитков не осталось.

В первых годах правления Софьи были изданы любопытные указы, которые резко характеризуют общественные нравы. Есть явления, по-видимому, мелкие, но которые служат верным мерилем общественного развития. Так, например, мы не можем допустить высокой степени этого развития там, где на многолюдной улице большого города человек, встретив знакомого, преспокойно останавливается поговорить с ним на середине дороги, или там, где не умеют держаться правой стороны, или там, где позволяют себе ездить во всю прыть опять по многолюдным улицам больших городов. Все эти явления пахнут степью, показывают, что люди привыкли жить *особе*, как жили предки, дреговичи или вятичи, не понимают, что в обществе, прежде чем сделать какое-нибудь движение, надобно подумать: а что будет от этого другим? Зная за собою и теперь много противуобщественных привычек, мы не удивимся, встретив указы, чтоб не ездили по улицам на вожжах с большими бичами и не били народ своим небреженьем, не стреляли в домах из ружей, не оставляли на улицах навоз, мертвечину и всякий скаредный помет. Или такой указ: "Стольники, стряпчие и дворяне московские и жильцы! Ныне люди ваши ставятся в Кремле с лошадьми не в указных местах, без разбора, и шум и крик чинят, и кулачный бой заводят, и прохожим людям дорогою пройти не дают, толкают и под ноги подшибают и подсвистывают; а как начнут их караульные капитаны и стрельцы с неуказанных мест ссылать и от крика и от дурна унимать, и те ваши люди капитанов и стрельцов бранят и грозят

бить". Это касалось слуг; но еще прежде нужно было запретить господам бесчинствовать в самом дворце.

Местничаться явно не смели более, т. е. не смели не пойти куда-нибудь по назначению, выставляя, что быть с таким-то неуместно; но бывали случаи, когда уклонялись от неприличных по местническим счетам назначений под разными предлогами: так, в 1686 году боярин князь Владимир Дмитриевич Долгорукий не послал сыновей своих в рынды вместе с Голицыными под предлогом, что они больны и уехали молиться к Николе на Угрешу; двое других Долгоруких, Лука и Борис, спрятались от того же назначения. Правительница велела отнять за это у князя Владимира боярство, сыновей его и князей Луку и Бориса написать с городом (городовыми дворянами), кроме того, у Луки и Бориса отнять поместья и вотчины. Лука и Борис просили милости со слезами, что они не явились во дворец вовсе не потому, что не хотели быть вместе с Голицыными, но потому, что ждали какого-нибудь другого великих государей гнева и опалы. Всех Долгоруких простили.

В то время, когда государство боролось со степными хищниками, желая избавиться от позорной дани, в то время, когда внутри боролось оно с противупобщественными привычками, высказывавшимися во всех слоях общества, - в то же время церковь вела двойную борьбу. Победа над раскольниками в Москве после 5 июля 1682 года не сломила раскола, который беспрестанно давал знать о себе из областей, и это усиливало раздражение победителей, заставляло их принимать все более и более сильные меры против упорного врага. В ноябре 1682 года разсланы были грамоты ко всем архиереям о повсеместном сыске и предании суду раскольников. В 1683 году в Печерском псковском монастыре архимандриту и келарю с братьею бил челом печерский посадский бобыль Ульян Иванов: раскольники, неизвестные люди, подговоря и совратя с истинного пути от св. церкви, свели жену его Екатерину своим учением неизвестно куда; пристают они в Печерском посаде у вдовы Агафьицы и людей учат своему расколу. Закащик священник Иван Андреев раскольников, пришлых людей, и с ними вдову Агафьицу поймал и привел в Печерский монастырь. Один из раскольников в допросе сказал: породю он русских людей, зовут его Мартынком Кузьмин сын, жил в Пскове в бобылках своим двором, а после пожара у него двора своего нет, отняли дворовое место под церковь, и с того числа он проживал где день, где ночь, в Печерский монастырь пришел к празднику Успения Богородицы и пристал в посаде у сестры своей, у вдовы Агафьицы; а на празднике в церкви не был, для того что ныне пение в церкви и служба новая и обедню служат не над просвирами, над *колобками*; на исповеди он был тому назад лет с десять, и как он стал причащаться св. таин нынешних просвир, и из него пошли змии и стало бить и трясти, и с того числа он на исповеди не бывал и не причащался. При входе в казенную келью, где его допрашивали, Мартынко не поклонился св. иконами на вопрос, зачем не кланяется, отвечал: эти иконы не святые, ныне вера христианская иссякла и

святыни в иконах нет, ныне и литургию служат по-римски над колобками, вместо креста на просвирах поставлены латинские крыжи и животворящий крест Христов казнили весь около. "Священники все, - продолжал Мартынка, - антихристовы предтечи; антихрист в мире есть другой год, я его видел в Печерском монастыре, Маркелл-митропилашка (Маркелл-митрополит псковский). А как царь Алексей за веру Соловецкий монастырь велел казнить, то на третий день и умер. Ныне я послан от бога учить и веру христианскую проповедовать; верховные апостолы Петр и Павел мне сродичи. Чтоб крестились христиане двумя перстами, а не тремя; в том кресте сидит Кика-бес с преисподнею. А как антрихрист появился, и в то время в Пскове у Живоначальной Троицы и в Печерском монастыре престол рушился; и св. троица и пресвятая богородица ныне на воздухе, а не в церкви". На пытке Мартынка объявил, что все, им сказанное в допросе, он слышал в Соловецком монастыре, и прибавил: когда царствовал царь Михаил Феодорович, то царствовал не он, а Михаил-архангел. После крепкой пытки, огня, клещей, многих встрясок Мартынка во всем повинился, объявил, что св. церкви во всем повинуются. Учителем Мартынки оказался пойманный с ним товарищ его Ивашка Меркульев, который крестил и исповедовал по-старому. Бояре приговорили: Ивашку Меркульева сжечь и пепел его разметать и затоптать, а Мар тынка и Агафицу отослать под начал к митрополиту.

Мы видели, что в царствование Феодора монах Даниил завел пустынь в Тобольском уезде, на речке Березовке, и сожегся со своими единомышленниками, почуяв приближение царского войска; в 1682 году дали знать правительству, что выезжают из городов и слобод многие всяких чинов люди, покинув дворы, имение, скот и хлеб, на Тобол, в Утяцкую слободу, к слободчику Федору Иноземцеву, и заводится пустынь такая же, что и прежде была на реке Березовке; велено было поставить заставы, чтоб никого не про пускать в Утяцкую слободу. В 1685 году издан указ: которые прелестию своею простолюдинов и их жен и детей приводили к тому, чтоб они сами себя жгли, таких воров по розыску жечь самих. Ответ на эту меру не замедлил. В том же году человек с тридцать раскольников сгорели в овине в принадлежавшей Хутынскому монастырю деревне Острове. Другие заперлись в Палеостровском монастыре и, послыша о приближении полковника Мишевского, сами сожглись в церкви; главный заводчик повенчанин Емельян Иванов, подучивший к самосожжению, не сгорел, но, пограбив монастырскую казну, бежал и стал опять прельщать и собирать толпу; в 1689 году опять засел он со своими товарищами в Палеостровском монастыре; высланный против раскольников отряд войска в непроходимых лесах отыскал три пристанища и сжег их, но на возвратном пути должен был выдержать от раскольников нападение в продолжение двух ночей; запершиися в Палеостровском монастыре раскольники зажгли его и сами сгорели.

Спасаясь от преследований, раскольники бежали за рубежи шведский и польский, бежали в козацкие степи. Мы видели, что уже и прежде

раскольники утверждались на Дону; теперь число их там становилось все больше и больше. Мы видели, что еще в 1683 году козаки указывали, как на главного вора, на Кузьму Косого; однако он остался нетронутым. В 1686 году в Черкасск вдруг нахлынуло 700 человек раскольников, и начали уговаривать козаков, чтоб стояли за старую веру; православные выжили незваных гостей, но дело не обошлось без ножен. В ноябре того же года в Острогожске явился с Дону козак Лобан, родом малороссиянин, и рассказывал, что жил он в городе Кагальнике 30 лет, но теперь принужден был уйти, потому что в донских городках на речке Медведице, Чиру и по запольным речкам стало много раскольников, умышляют они и советуют, чтоб им идти на Москву, на патриарха, бояр и архиереев, которые все веру потеряли. Лобан требовал, чтоб его отправили в Москву, потому что есть за ним еще *скрытые* речи. В Москве Лобан объявил, что на речке Медведице живет белец, Куземкою зовут (Кузьма Косой), чинит всякие расколы и называется папою.

Этот папа со своими приверженцами основал на Медведице новый городок, названный по его имени Кузьминым, откуда раскольники начали наступательное движение на другие городки.

В конце сентября 1688 года донские козаки отправили против них отряд под начальством атамана Кутейникова, который, пришедши под Кузьмин, построил городок с раскатом и "чинил над раскольниками всякие боевые и приступные земляные и деревянные промыслы", но все безуспешно; потом пошли козаки к городку деревянным валом, который валили целый день, за этою валовою крепостью построили другой раскат, кололись с него копьями с раскольниками и кирпичом бились; но осажденные успели зажечь вал и заставили козаков отступить. 1 февраля 1689 года отправлен был под Кузьмин городок другой атаман - Аверкиев на перемену Кутейникову; Аверкиев стоял под городком до мая месяца и наконец успел взять его и разорить, раскольники были побиты.

Кроме Косого главами раскола на Дону были три попа - Досифей, Пафнутий и Феодосий; когда в 1688 году выслан был против них козацкий отряд, то они с своей толпою ушли за границу во владения шавкала тарковского и поселились на реке Аграхане.

В Воронежском уезде, в селе Репном, явился какой-то гулящий человек Василий Желтовский, который не подошел к священнику под благословение, крест на себя возлагал не по новоисправленному, церкви и православную веру и священный чин хулил: "Та кие-то церкви и попы? Бог наш на небеси, а на земле бога нет" - и крестился, смотря на солнце, говорил: "Боже мой, боже! Почто надо мною одним взыскал?" Приведенный в Воронеж, в духовный приказ, по действию дьявольскому безмолвствовал. Домовый архиерейский монах Сергей донес, что он видел Ваську в козацьем городке Иловле: здесь он церкви называл мечетями, тело и кровь Христовы ни во что вменял, про великих государей говорил, будто

их и на Москве нет, и называл их антихристами, патриарха державником, иереев посланниками. На пытке Желтовский не повинился, объявил только, что отец и брат его на Дону. Желтовского сослали в Свирский монастырь, а Сергия в Сийский. Козаки ходили против раскольников; но о том, что делалось в самом Черкасске шел спор в Москве между двумя монахами, Савватием и Гавриилом. Савватий доносил, что в Черкасске сначала служили по новоисправным служебникам, а когда Гавриил начал в соборной церкви служить, то выходил в круг к козакам и наговаривал, четвероконечный крест называл латинским; войско послушало, велели просвиры печатать по его воле осмиконечным крестом и велели служить по старому служебнику. Гавриил с пытки в расколе и ни в каком воровстве не винился, только говорил, что виноват, служил на Дону в соборной церкви по старому служебнику.

Тяжел был Дон расколом; тяжел и козацкими притязаниями которых никак не могли допустить в Москве. В 1685 году донское войско прислало царям челобитную такого содержания: били челом великим государям, а им, козакам, в кругу подали челобитную воронежского Покровского монастыря игуменья Ульяна с сестра ми: вотчину их Фарасань коротояцкие жители обижают и разоряют, вступить за их крестьян и постоять некому; и великие государи пожаловали бы их, козаков, ради войскового прошенья. велели вотчину Фарасань принять на себя и пожаловать стариц ругою. Стариц велели прислать в Москву, и игуменью сослали в один из северных монастырей, хотя она и говорила, что сама на Дон не ездила, а посылала двух монахинь за милостынею и челом бить козакам не приказывала. К козакам была послана грамота, чтоб они вперед в такие дела не вступались, потому что такие дела им не належат. Но это не был единственный случай: Троицкого Борщова монастыря казначей Дорофей с осьмью монахами составил челобитную на игумена Корнилия от себя и от монастырских работников и послал на Дон. Монахи, взятые в Москву, оправдывались, что приехали в монастырь донские козаки и с угрозою велели старцам написать челобитную на игумена. Воронежский епископ Митрофан жаловался, что ему от донских козаков нельзя ведать братию и крестьян Борщова монастыря: на кого будет челобитная, тех козаки не дают на епископский суд.

В Сибири и пределах новгородских, на Дону и в Москве раздавалась раскольничья проповедь, что патриарх не патриарх, потому что заразился латынскою ересью, так что патриарх Иоаким должен был писать царям и царевне Софии, чтоб защитили церковь от ругателей: "Повелите, да не бесчестится честь архиереев и всего духовного чина от невежд и досадителей многих, от лихоимства же и от всяких обид избавите". И в то же время этот самый патриарх вел упорную и опасную борьбу против людей, которых он обвинял в латинских новшествах, в латинской ереси. Мы видели, как при царях Алексее и Феодоре проникло в Москву латинопольское влияние вместе с языками латинским и польским, распространившимися во дворце и между вельможами. Главным

проводником этого влияния считался наставник царевича Симеон Полоцкий, который не замедлил столкнуться со старыми учителями, с самим патриархом: Симеон не хотел преклоняться пред высшими духовными русскими, считая их невеждами сравнительно с собою; русские духовные, естественно, были оскорблены, подмечали в его мнениях разницу с мнениями, утвержденными стариною, с удовольствием указывали на это как на признак неправомыслия неприятного пришельца, причем опирались на авторитет известного своею обширною ученостью монаха, вызванного в Москву из Киева, Епифания Славенецкого, келейного труженика, по характеру своему неспособного пробиваться вперед и толкать других. Как патриарх Иоаким и его единомышленники смотрели на Полоцкого и как старались противопоставлять ему Славенецкого, всего лучше видно из следующего современного известия: "Призван был из Киева в Москву царем Алексеем Михайловичем для научения детей славяно-русского народа еллинской науке некто иеромонах Епифаний Славенецкий, муж многоученный не только грамматике и риторике, но и философии, и самая феологии известный испытатель и искуснейший рассудитель и опасный (осторожный) претолковник греческого, латинского, славянского и польского языков". Был и другой иеромонах - Симеон, по прозванию Полоцкий, и тот учился, но не столько, и знал только по-латыни да по-польски, а греческого писания ничего не разумел. Однажды патриарх Питирим пригласил обоих, Епифания и Симеона, к себе в крестовую палату; они стали разговаривать, и Симеон спросил Епифания: "Как, отец, святыня твоя верует о пресуществлении?" Епифаний отвечал, что молитвою иерейскою: сотвори убо и проч. происходит пресуществление. Симеон сказал на это: "В Киеве наша Русь, ученые тоже глаголют и мудрствуют, что только слова ми Христовыми: приидите, ядите и проч. пресуществляются дары" Епифаний отвечал: "Наши киевляне учились и учатся только по латыни и читают книги только латинские, по-гречески не учились и потому истины об этом не знают". Патриарх Иоаким отзывался о Полоцком: "Хотя он был человек ученый и добронравный, однако приготовленный иезуитами и прельщенный ими, поэтому читал только их латинские книги". Венец веры Полоцкого патриарх называл "венцом из терния, на западе прозябшего, сплетенным". Обет духовный наполненным тайно душевных бед.

Два ученые монаха, призванные в Москву для научения детей славяно-русского народа, уже поднимают знаменитый спор о времени пресуществления. В словах Полоцкого заключалась *хлебопоклонная* ересь: он учил поклоняться хлебу, утверждая, что пресуществление совершается при произнесении священником слов Христовых, т. е. ранее надлежащего времени. Но не один Полоцкий распространял эту ересь; по свидетельству патриарха Иоакима, ересь пришла в Москву от русской молодежи, которая ездила в Польшу учиться по-латыни; возвратившись, молодые люди передали латинский обычай знакомым своим священноначальникам и благородным мужам, имевшим великие достоинства в царских домах; и

тем показалось, что действительно тайна совершается произнесением слов Христовых.

Знать, когда именно совершается великое таинственное действие, и с этим сообразовать свою молитву было очень важно для русских людей, и спор не мог легко потухнуть. Полоцкий умер; но он оставил из великороссиян ревностного ученика, готового и способного ратовать за мнения учителя. Одним из подьячих в приказе Тайных дел при царе Алексее был Семен Петрович Медведев, подружившийся здесь с товарищем своим Федором Шакловитым. Медведев обратил на себя внимание своею смышленностию, и его отдали учиться латинскому языку к Симеону Полоцкому; учился он три года, но когда отправлен был на посольство в Курляндию Ордин-Нащокин, то Медведеву с товарищами велено было ехать на посольство *для наученья*. Ученый подьячий не хотел оставаться в Приказе, постригся в монахи под именем Сильвестра. прослыл чернецом великого ума и остроты ученой и сделан был строителем Заиконоспасского монастыря в Москве. Медведев стал ревностным защитником мнений Полоцкого и, следовательно хлебопоклонной ереси, а Медведев был хорош при дворе правительницы по дружбе своей с Шакловитым. Притом ученый Медведев очень неуважительно отзывался об учености патриарха Иоакима и личная вражда разгорелась вместе со спором о времени пресуществления и о других учениях Полоцкого, о других латинских новшествах. Самое сильное участие в споре с Медведевым приняли справщик (корректор) Евфимий и ризничий Акинф, которые, по словам Медведева, возмущали душою патриарха. Евфимий и Акинф скоро нашли себе сильных союзников. Еще в 1682 году архиерей Чудова монастыря Карион Истомин подал царевне Софии вирши, в которых уговаривал ее привести в исполнение мысль брата Феодора:

Умоли	убо	самодержцев	сущих.
Да	государи	они то	изволят,
Обще	господа	о том да	помолят,
Наукам	велят	быти	совершенным
И учителем людям извещенным.			

Извещенные люди приехали в 1685 году: то были ученые греки. двое братьев, Иоанникий и Софроний Лихуды, которые в том же году открыли свои курсы - ученикам прежней типографской школы и разного звания и возраста людям, священникам, монахам, княжеским сыновьям, стольникам и т. д. Науки стали совершенны: Лихуды преподавали грамматику, риторику, пиитику, логику и физику; грамматику и пиитику преподавали они на греческом, риторику и физику на греческом и латинском языках. В ученых греках патриарх Иоаким нашел себе сильных защитников против мнений Полоцкого. Между ними и Медведевым завязалась полемика. Медведев написал сочинение под именем Манна, где доказывал, что пресуществление совершается при произнесении слов Христовых. Лихуды доказывали противное в книге своей *Акос*, или *врачевание*,

противопологаемое ядовитым угрызением змиевым. Против *Акоса* дьякон Афанасий написал: Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов; Лихуды отвечали *Диалогами* грека-учителя к некоему Иисуиту. Спор не ограничился одними учеными, стал общим делом: не только священники, но и миряне, даже женщины, при встрече друг с другом повсюду спорили о времени пресуществления. Не все архиереи держались мнения патриарха; в наставительной грамоте рязанского митрополита Павла духовенству своей епархии читаем: "В божественной литургии ума намерение твердо имети. Ума же намерение сие есть, егда глаголет словеса сия: *приимите, ядите и пийте от нея*, да имать ум свой весь собран в оны словеса, еже бы преложитися хлебу в тело Христово и вину в кровь Христову, сие есть; еже глаголет во время оно, сие и мыслит, а не иная. Блюди, о иерее! аще во время оно ум твой будет неподвижим, истинно божественную службу совершиши; аще ж в то время уста твоя глаголют оне словеса, ум же твой иная мыслит, веждь, яко смертию, сиречь непрощенно согрешаеши".

Вмешались в дело поляки, иезуиты, находившиеся в Москве: по рукам ходили польские книги, наполненные латинскими мудрованиями, слышались голоса, что на Флорентийском соборе латины осилили греков.

Что такое Флорентийский собор? кто знает? и где взять прочесть, чтоб было что отвечать врагам? Иоаким пишет в Киев, к митрополиту Гедеону: "Ныне, грех ради наших, видим, что дышит на паству змей адский: одни принимают и хвалят собор Флорентийский, другие его не принимают, и спор идет в том сильный, а верных писаний обе стороны показать не могут, потому что в книгах наших редко где об этом находим известие; и тебе бы, сын, постараться известить нашей мерности, для чего этот собор был, как начался и всеми четырьмя патриархами принят ли? Хотим получить известие от ваших книг, потому что у вас больше об этом рукописных и печатных книг". Гедеон объяснил, в чем дело, указал на печатные книги, где заключаются известия о Флорентийском соборе, и между прочим указывал на книгу, отпечатанную в Москве в 1648 году: "Книга о вере единоистинной и православной и о св. восточной церкви". В конце письма Гедеон говорит: "Аз твоему святейшеству яко отцу архипастырю и господинови моему исповедую, яко Флорентское соборище не приимую, паче же яко ересь противную отметаю".

На этом можно было успокоиться; но приверженцы Медведева для подтверждения своего мнения указывали на изданную в Малороссии книгу "*Выклад о церкви святой и о службе*". Иоаким опять обращается в Киев к митрополиту Гедеону и архимандриту киевопечерскому Варлааму Ясинскому, в Чернигов к Лазарю Барановичу, указывает им на авторитет отцов восточной церкви, восстает против новых Могилинских книг (Великий требник и служебник, ексегезис Сильвестра Коссова, книжка о семи сакраментях, лифос как не согласующихся с православным исповеданием: в Киеве отмалчиваются; патриарх настоятельно требует,

чтоб прислали согласие свое с московским определением времени пресуществления, грозит, что в противном случае пожалуется четверем патриархам, требует, чтоб прислали для объяснений "мужа смиренномудра, приискренно восточныя церкви сына, ведуща известно писания св. отец, а не силлогизмами и аргументами токмо упражняющаяся". Нет ответа, потому что между Москвою и Киевом идет другая пересылка: к гетману Мазепе и киевскому знатному духовенству отослана *Манна* вместе с сочинениями Лихудов; на последнюю написали обличение и переслали в Москву через князя Вас. Вас. Голицына, когда он был во втором крымском походе.

Таким образом, партия Медведева находила себе сильную поддержку во дворце; *Манна* была написана по приказанию Софьи. Голицын пересылал написанное в Киеве обличение на Лихудов. Мало того, Голицын считался покровителем иезуитов, которые благодаря ему явились в Москве. Французский иезуит, который был в это время в Москве с целью пробраться через Сибирь в Китай, так отзываясь о Голицыне: "Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе московском: он любил иностранцев, и особенно французов, потому что благородные наклонности, которые он в них заметил, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя. Если б дело зависело от него одного, то, разумеется, все наши желания были бы исполнены; если б он был полным хозяином, если б он не должен был вести себя осторожно относительно других бояр, то с удовольствием открыл бы нам путь в Сибирь и облегчил бы нам доступ в Китай из уважения к Людовику Великому, которого он был страстный поклонник: меня уверяли, что сын его носил портрет его величества в форме Мальтийского креста, что отец считал для себя великою честью".

Другой посланник, бывший в Москве в описываемое время, не иначе называет Голицына, как великим человеком. Описывая свой первый прием у первого министра, он говорит: "Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь италиянского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую император и столько других государей вели против Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе". До нас дошло подробное описание этого великолепнейшего дома, сделанное по приказанию правительства после свержения Голицына: "В палате подволока накатная, прикрыта холстами, в середине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом, круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью, от солнца на железных трех

прутах паникадило белое костяное о пяти поясах, в поясе по осьми подсвечников, цена паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца месяц в лучах посеребрен; круг подволоки в 20 клеймах резных позолоченных писаны пророческие и пророчиц лица. В четырех рамах резных четыре листа немецких, за лист по пяти рублей. Из портретов были у Голицына: в. кн. Владимира киевского, царей - Ивана IV, Феодора Ивановича, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора, Ивана и Петра Алексеевичей; четыре персоны королевских. На стенах палаты в разных местах пять зеркал, одно в черепаховой раме. В той же палате 46 окон с оконницами стеклянными, в них стекла с личинами. В спальне в рамах деревянных вызолоченных землемерные чертежи печатные немецкие на полотне; четыре зеркала, две личины человеческих каменных арапские; кровать немецкая ореховая, резная, резь сквозная, личины человеческие и птицы и травы, на кровати верх ореховый же резной, в середине зеркало круглое, цена 150 рублей. Девять стульев обиты кожами золотными; кресла с подножием, обиты бархатом. Много было часов боевых и столовых во влагилицах черепаховых, оклеенных усом китовым, кожейю красною; немчин на коне, а в лошади часы. Шкатулки удивительные со множеством выдвигаемых ящичков, чернилицы янтарные. Три фигуры немецкие ореховые, у них в срединах трубки стеклянные, на них по мишени медной, на мишенях вырезаны слова немецкие, а под трубками в стеклянных чашках ртуть".

У первого министра было много книг: Похвала благочестивым государем-царем, сложение иеромонаха Антония Русаковского Книга печатная благодарственная к в. государем. Книга писанная - вручение привилегии на академию. Книга писанная о гражданском житии или о поправлении всех дел яже належат обще народу. Книга Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, сыну его Льву Философу. Како царица Олунда близнят породи и како их свекровь и ее мать цесарева хотя погубити. Граматик печатной. Книга, писанная на польском языке. Книга Иова Лудольфа письменная. Книга письменная, перевод от Вселенских патриархов Мелетия диакона. Книга - перевод с польского письма с печатные книги, глаголемой Алкоран Махметов. Книга с польского письма с истории о Магилоне Кралевне. Книга о послах, где кому в котором государстве поклониться. Четыре книги немецких. Четыре книги письменные о строении комедии. Восемь книг-календарей разных лет. Книга рукописного права, или Устав воинской Голландской земли. Певчая немецкого языка. Граматик польского и латинского языка. История письменная польского языка. Конский лечебник. Книга на немецком языке всяким рыбам и зверям в лицах. Судебник. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрия Сербенина. Летописец Киевский. Соловецкая челобитная. Книга о ратном строю. Книга землемерная немецкая.

В 1689 году в другой раз эти великолепные палаты увидели господина своего, печально возвращавшегося из неудачного похода. Люди, искавшие милости любимца, по-прежнему толпились в изукрашенной зале,

восхищаясь солнцем и месяцем в по толке, превозносили удачи похода, поздравляли с милостями царскими. Но Голицын знал, сколько людей негодует на эти милости, как незаслуженно полученные. Правительство изо всех сил под держивало Голицына, превознося его подвиги; но это правительство само нуждалось в поддержке, и Голицыну нечем было под держать его: он не приобрел славы великого полководца, раз громившего поганые улусы татарские, не приобрел чрез это народ ной любви, которою мог бы прикрыть Софью, держать врагов ее в почтительном расстоянии. Нравственные средства спасения были потеряны в неудачных крымских походах. Поддержать Софью мог один Шакловитый своими средствами, на которые не был способен Голицын. Оберегатель находился в тяжком положении: ему оставалось не одобрять средств Шакловитого и в то же время робко, затаясь от себя самого, желать им успеха, который один мог спасти его. Медлить, откладывать, выжидать нельзя стало больше: дело быстро приближалось к развязке.